

©2013 г.

М.Ю. МЯГКОВ

ПРОТИВОБОРСТВО СТРАТЕГИЙ: КРАСНАЯ АРМИЯ И ВЕРМАХТ В 1942 году

Великой битве за Сталинград, обороне Кавказа, событиям сурового и многотрудного 1942 года посвящена огромная литература, которая насчитывает тысячи научных книг, статей, энциклопедических изданий. Интерес к теме обусловлен исключительной напряженностью сражений, величайшими жертвами Красной Армии и всего советского народа ради достижения перелома в войне. По-прежнему остаются востребованными главы из фундаментальных многотомников, вышедших еще в 60–80-х годах прошлого века, мемуары, труды известных историков (многие из которых дополняются и переиздаются): академика А.М. Самсонова, Х.М. Ибрагимбейли¹ и др. Фактический материал о подготовке и осуществлении агрессивных планов нацистской Германии в 1942 г., предусматривавших захват Сталинграда и Кавказа, сокрушение Советского Союза и распространение затем гитлеровского влияния на другие страны, был обстоятельно рассмотрен нашими историками. Однако массив новых документов, открытых в последние годы, в ряде случаев позволяет критически отнестись к некоторым тезисам, выдвинутым ранее, уточнить оценки, ярче показать подвиг людей, поднявшихся на отпор врагу. Необходим новый, непредвзятый анализ свидетельств о механизмах принятия решений Верховным командованием Красной Армии и их мотивах, объяснение ошибок и просчетов, допущенных весной и летом 1942 г. и приведших затем к трагическим последствиям, анализ истинных замыслов нацистского руководства в отношении всех народов СССР, в том числе народов Кавказа (так называемый “кавказский эксперимент рейха”), и причин их краха.

Серьезным вкладом последних лет в изучение переломного периода Великой Отечественной войны стали труды академика Г.А. Куманёва, генерала армии М.А. Гареева, волгоградских историков В.Н. Попова и М.М. Загорулько². Книги основаны на солидной базе советских и немецких архивных источников, справочно-информационных материалах. Важное значение имел выход в свет монографии волгоградской исследовательницы Т.А. Павловой о трагедии гражданского населения Сталинграда³. Работа написана на основе архивных материалов, значительная часть которых долгое время

Мягков Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

¹ *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. М., 1989; *Ибрагимбейли Х.М.* Крах “Эдельвейса” и Ближний Восток. М., 1977; *его же.* Битва за Кавказ: крах операции “Эдельвейс”. М., 2012.

² *Гареев М.А.* Полководцы Победы и их военное наследие. Очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну. М., 2003; *Куманёв Г.А.* Сталинградская битва. Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы. М., 2007; Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 г. Энциклопедия. Волгоград, 2007; *Попов В.Н.* Великий перелом. Волгоград, 2008.

³ *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005.

была засекречена. Автор сумела уточнить масштабы и причины массовой гибели гражданского населения в Сталинградской битве. Весомую информационно-просветительскую нагрузку носит первое в своем роде издание документов советских спецорганов в период битвы на берегах Волги – “Сталинградская эпопея”⁴. В ней впервые читатели познакомились с фронтовыми делами органов НКВД, статистическими данными относительно имевшей место репрессивной практики, действиями заградотрядов и положением в штрафных подразделениях.

Следует отметить и авторов, занимающихся сегодня проблемными, но отнюдь не маловажными темами. Они связаны с применением советских военных формирований на полях боев, решениями командования РККА, что позволило, например, А.В. Исаеву по-новому рассмотреть роль механизированных соединений в боях за Сталинград⁵. Историки Н.Ф. Бугай и А.Ю. Безугольный детально проанализировали обстановку на фронте и в тылу во время обороны Кавказа, вклад народов этого региона в общую победу, равно как и методы агитационно-пропагандистской работы с призывниками и военнослужащими горских национальностей Северного Кавказа в 1942 г.⁶ Ряд недавних изданий посвящен так называемым “незнаменитым” операциям Красной Армии на центральном и северо-западном направлениях, стоившим нашим войскам больших потерь и имевшим серьезное стратегическое значение для общего хода сражений, но после войны затененных более эпохальными событиями. Речь идет о Ржевско-Сычевской операции, операции “Марс”, попыткам деблокады Ленинграда⁷.

Интерес к переломному периоду Великой Отечественной войны проявляют и зарубежные историки. События 1942–1943 гг. на советско-германском фронте рассматриваются в шестом томе фундаментального труда “Германский рейх и Вторая мировая война”⁸ и в вышедшей недавно книге Дж. Робертса “Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю”⁹.

Документы, посвященные международным отношениям СССР с другими государствами, прежде всего союзниками по антигитлеровской коалиции в 1942 г., представлены в очередном томе “Документов внешней политики СССР”¹⁰.

В целом поле для дальнейшего изучения “эпохальных” и “незнаменитых” операций, действий военного руководства и дипломатии СССР в 1942 г. остается обширным. Заполнить пробелы в этом смысле призваны новые фундаментальные издания. Уже не первый год в нашей стране на базе МГИМО (Университета) выходит продолжающееся издание “Великая Победа”¹¹, ряд томов которого содержит разделы о битвах за Сталинград и Кавказ, операции “Марс” и др. Безусловно, крупным шагом отечественной историографии в деле освещения причин, событий, итогов и уроков всей Великой Отечественной войны, станет публикация 12-томного издания “Великая Отечественная война 1941–1945 гг.”. В третьем томе фундаментального труда рассматриваются сражения и битвы, изменившие исход войны, включая Сталинградскую битву и сражения за Кавказ.

⁴ Сталинградская эпопея: документы НКВД и военной цензуры. М., 2000.

⁵ Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008.

⁶ Бугай Н.Ф. Представители репрессированных народов на защите Отечества в годы Великой Отечественной войны: доблесть и слава. – Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011, с. 155–156; Безугольный А.Ю. “Немец нигде не найдет приюта. Убежав от мести черкеса, он наткнется на кинжал чеченца, его сразит пуля ингуша...” Горцы Северного Кавказа как объект советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны. – Военно-исторический журнал, 2012, № 7, с. 25–30.

⁷ Герасимова С.А. Ржев 42. Позиционная бойня. М., 2007; Сяков Ю.А. Синявинская операция советских войск 1942 года. – Вопросы истории, 2008, № 6, с. 82–93.

⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd 6. Stuttgart, 1990.

⁹ Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. 1942, т. XXV, кн. 1–2. Тула, 2010.

¹¹ Великая Победа, т. I–VIII. М., 2010–2011.

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЛАНЫ СТОРОН ВЕСНОЙ 1942 г.

Первая решающая битва Великой Отечественной войны – битва за Москву – во многом предопределила весь дальнейший характер и течение глобального мирового конфликта. Германским войскам не удалось взять столицу СССР и поставить Советский Союз на колени. Красная Армия своей героической борьбой сорвала гитлеровский блицкриг. Начавшееся в декабре 1941 г. контрнаступление РККА подвело ранее непобедимый вермахт первому тяжелейшему кризису. В какой-то момент советскому руководству показалось, что в войне произошел окончательный перелом и инициатива перешла к советской стороне. Но до полной победы было еще далеко. Германия смогла восполнить свои ресурсы за счет собственного потенциала и возможностей подчиненных ей стран. В то же время в ходе Московской битвы Красная Армия понесла огромные потери. Только в период контрнаступления они превысили 370 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести¹². На начало 1942 г. пришелся и наибольший спад военного производства СССР. Сотни эвакуированных заводов только начинали налаживать выпуск военной техники и вооружения. Понесенные потери, дефицит материальных средств и необходимого опыта в проведении широких наступательных операций не позволили советскому командованию довести наметившийся перелом до логического завершения. Немцам удалось спасти свой фронт от развала.

Действительно, советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения частей. Не хватало опытных командиров, особенно младшего и среднего звена. Промышленные возможности не позволяли наладить снабжение войск даже самым необходимым вооружением и боеприпасами. В связи с этим Ставка ВГК своей директивой от 29 февраля 1942 г. вынуждена была установить предельный лимит расходования боеприпасов на март в чрезвычайно малых объемах: патроны 7,62 мм и 12,7 мм – 2 боекомплекта (б/к); гранаты – 1 б/к; мины всех калибров – 2 б/к; выстрелы 76 мм орудий – 2 б/к¹³. Для большей ясности отметим, что такое количество боеприпасов в последующих наступательных операциях конца 1942–1943 гг., как правило, расходовалось советскими войсками всего за 4–5 дней сражения.

Успех, достигнутый немцами в обороне зимой–весной 1942 г., дал возможность некоторым высокопоставленным генералам вермахта поставить вопрос о целесообразности перехода к “стратегической обороне” на всем Восточном фронте¹⁴. Суть такой стратегии заключалась в следующем: сочетая незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить Вооруженные силы СССР и заставить Москву заключить невыгодный для нее мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. По мнению Гитлера, германская армия летом 1942 г. должна была обрести второе дыхание, – теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. В сознании большинства высших военных руководителей Германии срок капитуляции советской столицы лишь переносился на некоторое время.

Тем не менее ряд руководителей рейха придерживались более скептической точки зрения на дальнейший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности и имевший хорошее представление о состоянии людских резервов Германии, должен был признать, что, продолжение войны чревато катастрофой. Министр

¹² Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009, с. 100.

¹³ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ), ф. 208, оп. 2511, д. 1079, л. 21.

¹⁴ Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение. – Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996, с. 519.

по делам вооружений и боеприпасов Ф. Тодт 29 ноября 1941 г. докладывал фюреру, что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования¹⁵.

Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали серьезные для Германии последствия поражения под Москвой. Генерал-полковник Ф. Гальдер впоследствии назвал их “катастрофой” и “началом трагедии на Востоке”, генерал-лейтенант Г. Блюментрит – “поворотным пунктом” кампании в России, а генерал-лейтенант Р. Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что “отступление 1941/42 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться”¹⁶. Зимой 1941/42 г. Гитлер снял со своих постов опытных военачальников: Ф. Бока, В. Браухича, Э. Гёпнера, Г. Гудериана, А. Штрауса и др. Они были популярны в армии, и их отставка отрицательно сказалась на моральном состоянии солдат и офицеров вермахта.

Победа под Москвой и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения руководство Красной Армии постаралось использовать по максимуму. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились новые соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

В 1942 г. война вступила в новую фазу. На стороне СССР теперь стояли не только Великобритания, но и США, образовался могущественный союз свободолюбивых народов. Одновременно мировой конфликт достиг своего наивысшего накала, и противоборствующие коалиции разворачивали на полную мощность своей военный потенциал. Исход войны теперь зависел от того, насколько грамотно смогут распорядиться своими превосходящими ресурсами союзники по антигитлеровской коалиции и насколько успешным окажется их сопротивление блоку агрессоров, который стремился использовать для достижения победы остающиеся стратегические козыри.

Первоочередной задачей антигитлеровской коалиции было ослабить агрессора и изменить ход войны. Победа в Московской битве создала благоприятные предпосылки для нанесения Германии решающего удара уже в 1942 г. Сравнение основных показателей говорило само за себя: СССР, США и Англия по своим людским ресурсам превосходили агрессоров в два раза. Их военно-экономический потенциал также намного превышал потенциал блока фашистских государств¹⁷. Подобная статистика могла успокаивающе действовать на начальников штабов армий западных союзников, британского премьера У. Черчилля и американского президента Ф. Рузвельта, однако она пока никак не облегчала положение Советского Союза, вынужденного в одиночку противостоять гитлеровской коалиции, имевшей в своем распоряжении ресурсы большей части Европы. В начале 1942 г. Германия и ее сателлиты были в военном отношении значительно сильнее ослабленного СССР.

Продолжение успешного сопротивления СССР являлось главным условием достижения будущей победы союзников. Но даже после краха германского блицкрига Черчилль и Рузвельт сомневались в скором восстановлении боевой мощи Красной Армии. Поэтому они не спешили давать Москве какие-либо обещания относительно ее территориальных претензий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны. В декабре 1941 г. на переговорах со Сталиным министр иностранных дел Великобритании

¹⁵ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. М., 1980, с. 219.

¹⁶ Цит. по: Невзоров Б.И. Перелом в войне: проблемы и суждения. – Геополитика и безопасность, 1995, № 3, с. 98.

¹⁷ История Второй мировой войны, 1939–1945, т. 5. М., 1975, с. 12.

А. Иден отказался подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащему пункты о восстановлении оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее союзников территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины в государственных границах СССР, существовавших к 22 июня 1941 г. Уклонился он и от обсуждения вопроса о польско-советской и советско-финской границе¹⁸. Против признания советских территориальных запросов в Европе выступал в то время и американский госдепартамент, мнение которого не мог не учитывать Рузвельт, а также некоторые ближайшие помощники президента – в частности, А. Гарриман. Обсуждая 22 января 1942 г. с руководителем Европейского отдела внешнеполитического ведомства США Р. Атертоном американскую стратегию на советском направлении и поставки в СССР, Гарриман предупреждал, что ни при каких условиях не следует идти на компромисс с таким “оппортунистом” и “ловким дельцом”, как Сталин. Он полагал, что тот все еще чувствует себя “социальным изгоем” среди великих союзников. “Будет большим делом, – подчеркивал он, – посылать ему почаще дружеские послания и повторяющиеся заверения о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской”¹⁹.

“Дружеские послания”, конечно, были важны, но они никак не могли заменить второго фронта и скорейшего увеличения военных поставок в СССР. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне еще сохранялись большие опасения за судьбу Восточного фронта. Не последнюю роль играли здесь данные, полученные от военных дипломатов. Новый американский военный атташе в Москве майор Дж.А. Мичела в январе 1942 г. доносил в Вашингтон, что хотя прежние данные о военном потенциале СССР оказались заниженными, все же советское производство, по его мнению, еще не скоро оправится от огромных потерь и эвакуации, приведших к тому, месячный объем выпуска самолетов не превышал 1500 единиц²⁰.

Ничто не может умалить храбрость солдат Великобритании, США, Китая, английских доминионов, сил Сопротивления других свободолюбивых государств, которые в начале 1942 г. вели ожесточенные оборонительные сражения в Атлантическом и на Тихом океане, в Северной Африке и в Восточной Азии с морскими, воздушными и сухопутными войсками стран “оси”, нанося им существенный урон. Но исход войны решался именно на советско-германском фронте. “В высших правительственных и военных сферах США и Англии понимали, – подчеркивал академик А.М. Самсонов, – какое решающее значение имела борьба на советско-германском фронте для судеб всей Второй мировой войны. Разрабатывая планы военных действий, руководящие деятели США и Англии основывались в первую очередь на анализе обстановки на Восточном фронте, однако исходили лишь из своих интересов”. Летом 1942 г. английская разведка, по словам А.М. Самсонова, сообщала: “Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение”. В июне 1942 г. на происходившем в Вашингтоне совещании американских и английских начальников штабов было решено, что и английские и американские планы следует поставить в зависимость от исхода летних операций на советско-германском фронте. “Сумеют ли русские удержать фронт – в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 г.” – заявили англичане на первом же совместном заседании штаба в Вашингтоне”²¹. Вместо боевых действий на европейском континенте союзники в 1942 г. предпочли развернуть главные операции в Северной Африке – на второстепенном участке Второй мировой войны, где находились лишь незначительные силы немецких и итальянских войск.

¹⁸ См.: Ржевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941–1942. М., 1997, с. 26–28.

¹⁹ Department of State. Memorandum of Conversation A. Harriman and R. Atherton, January 22, 1942. – NA, RG 59, Entry 373. Box 31.

²⁰ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. London, 2003, p. 144.

²¹ Самсонов А.М. Указ. соч., с. 29–31.

Помощь Советскому Союзу была пока незначительной, что служило поводом для различных политических спекуляций в отношении намерений Москвы. В Вашингтоне стали циркулировать слухи о возможности сепаратного мира между СССР и Германией²². Однако генеральной линией Рузвельта и его ближайших помощников на советском направлении – таких, как Г. Гопкинс, бывший посол в Москве Дж. Дэвис и др. – оставалась всемерно возрастающая поддержка СССР и трезвые оценки его потенциала и национальных интересов. Политическая мудрость американского президента проявилась именно в том, что он не стал заложником негативного отношения к Советскому Союзу. Хозяин Белого дома искренне надеялся и рассчитывал на успехи Красной Армии, сознавая одновременно громадные трудности ведения ею боевых действий против все еще смертельно опасного врага.

В 1942 г. ожесточенные схватки с врагом шли в разных уголках земного шара, однако именно перелом на Востоке привел бы к перелому во всей войне. Это понимали в Берлине, и германское командование делало все от него зависящее, чтобы весной 1942 г. не просто стабилизировать фронт, но и возобновить наступление против СССР. Побороть “третий рейх”, который после краха Советского Союза приобрел бы контроль над его природными богатствами и вошел бы в прямой контакт с японскими войсками, в обозримой перспективе было бы совершенно невыполнимой задачей.

Стремилось развить свой успех и советское командование. Уже ощутившее вкус победы, оно могло использовать для достижения окончательного перелома в войне морально-психологический порыв солдат и офицеров и возникшее вместе с обретением стратегической инициативы чувство уверенности в своих силах. В соответствии с решением Ставки ВГК 8 января 1942 г. началось общее наступление советских войск от Ладожского озера до Черного моря. На центральном участке продолжались попытки продвижения вперед Западного, Калининского и Брянского фронтов. С 8 января до 20 апреля осуществлялась Ржевско-Вяземская операция. Однако крупные просчеты в планировании и управлении войсками, слабая подготовка многих солдат и офицеров, недостаток сил и средств, особенно механизированных соединений, не позволили советскому командованию окружить и уничтожить основные силы группы армии “Центр”. Незавершенным по тем же причинам осталось и наступление на других участках советско-германского фронта. Тем не менее полностью были освобождены Московская, Калининская, Тульская, Рязанская области, часть Смоленской и Орловской областей. Немецкие соединения смогли избежать худших для себя последствий, но группа армий “Центр”, отступившая на запад на 100–350 км, оставаясь в обороне, не смогла перебросить сколько-нибудь значительных сил на другие направления. Напротив, для большей части воинов Красной Армии зимние успехи 1941–1942 г. стали доказательством того, что непобедимость вермахта является мифом. Боевой дух солдат и командиров укрепился. Только в ходе битвы под Москвой около 40 частей и соединений РККА получили звание гвардейских²³.

После окончания активной фазы боев на центральном участке советско-германского фронта – в апреле 1942 г. – стороны могли подвести некоторые итоги. После потерь и поражений лета – осени 1941 г. победа под Москвой улучшила военно-политическое и международное положение Советского Союза, укрепила антигитлеровскую коалицию, заставила правящие круги Японии и Турции с большей осторожностью смотреть на свое участие в войне против СССР, вдохнула надежду на скорое освобождение народам оккупированных немецкими войсками стран. Ряд историков именно с Московской битвой связывает начало коренного перелома в войне, который окончательно стал фактом после победы советских войск под Сталинградом и завершился разгромом немецких войск на Курской дуге.

²² Leshuk L. Op. cit., p. 144, 146.

²³ Более 1 млн. человек, сражавшихся у стен столицы, были награждены медалью “За оборону Москвы”, 110 – удостоены звания Героя Советского Союза.

Гитлер, напротив, считал, что после преодоления кризиса под Москвой уничтожение СССР и использование его ресурсов будет достигнуто путем нового наступления на южном фланге. В какой-то степени это решение возвращало германское командование к выполнению изначально намеченной цели – получить в ходе войны на Востоке доступ к богатым месторождениям нефти Кавказа и хлебу Кубани и Ставрополя. Логическим продолжением ожидаемого успеха в России был последующий захват стран Ближнего и Среднего Востока и выход к Индийскому океану. Детали продолжения наступательных операций в Советском Союзе стали разрабатываться верховным командованием Германии еще с октября 1941 г. Но ситуация под Москвой смешало все карты. Тем не менее на летнюю кампанию 1942 г. перед сухопутными войсками вермахта ставилась главная задача – возобновить наступление на юге СССР, разрешив одновременно вопрос о Ленинграде. Директивой ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 г. предусматривалось: “Сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ”.

С конца весны 1942 г. командование вермахта начало сосредотачивать для наступления в направлении Кавказа крупную группировку войск. Под руководством начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера 11 апреля был подготовлен план наступательной операции под кодовым названием “Блау”. Немецким замыслом предусматривалось наступление на воронежском направлении группы “Вейхс” (2-й полевой и 4-й танковой армий) и на острогожском 6-й армии. Дойдя до Воронежа, группа “Вейхс” должна была повернуть на юг и окружить совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделение германских сил группы армий “Юг” на две самостоятельные – “А” и “Б”, которые должны были продвигаться в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

Весной 1942 г. в силу ряда обстоятельств немцы добились новых впечатляющих успехов. Советская разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командования в 1942 г. будет приковано к южному флангу Восточного фронта. Однако Сталин и некоторые военные руководители, полагали, что немцы могут ударить и на Москву, поэтому для защиты столицы были сосредоточены главные советские силы. Еще на завершающем этапе Ржевско-Вяземской операции Ставка ВГК стала выделять значительные материальные и людские средства на восстановление Можайского полевого оборонительного рубежа.

К весне 1942 г., когда стало понятно, что оборонная промышленность в районах эвакуации в короткий срок способна освоить выпуск танков Т-60, Т-70, Т-34, КВ, советское верховное руководство решило воссоздать механизированные соединения. Армии необходимы были ударные кулаки. Опыт войны наглядно свидетельствовал, что без мощных бронетанковых формирований, способных выполнять самостоятельные задачи не только в тактическом, но и оперативно-стратегическом масштабе борьба с танковыми армиями противника и глубокое наступление практически невозможны. Постановлением ГКО от 16 февраля 1942 г. предусматривалось создание сразу 120 танковых бригад, которые комплектовались бойцами в возрасте не старше 35 лет. С марта 1942 г. началось массовое формирование танковых корпусов (куда входили танковые бригады), а затем и танковых армий. В мае 1942 г. появились 3-я и 5-я, а в июле 1-я и 4-я танковые армии²⁴. Лишь в конце 1943 г. в состав танковых армий вошли механизированные корпуса, способные поддерживать быстрое наступление. Высокую маневренность и ударную силу советским танковым объединениям придавали грузовики и броневые автомобили, многие из которых в возрастающем объеме стали направляться с первой

²⁴ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002, с. 122–123.

половины 1943 г. из США в СССР рамках ленд-лиза. Однако в 1942 г. возможностей насытить войска автомобильной техникой у Ставки ВГК просто не было. Сказывались потери 1941 г., трудности организации собственного производства и незначительные поставки по ленд-лизу.

Большое значение Ставка ВГК придавала широкому использованию в будущих боях гвардейских минометных частей (ГМЧ) – состоявших из знаменитых “катюш”. Возросшее поступление “катюш” позволило создать к июню 1942 г. в Действующей армии 8 фронтовых и 4 армейские группы гвардейских минометов (всего 67 полков и 43 отдельных дивизиона). С освоением промышленностью новой установки М-30 в войсках стали формироваться тяжелые гвардейские минометные полки. В 1942 г. советские “катюши” внесли неоценимый вклад в срыв планов противника захватить Кавказ и выйти к Волге. Тяжелые потери врагу наносила, в частности, оперативная группа ГМЧ Сталинградского фронта, образованная в сентябре 1942 г.²⁵ Тем не менее одним из самых серьезных недостатков Красной Армии в начале 1942 г. была острая нехватка техники, стрелкового автоматического оружия и боеприпасов. Возможности стрелковых дивизий и даже кавалерийских корпусов были ограничены, особенно при глубоком снеге и в период распутицы. Низкий темп советского продвижения вперед приводил к печальным последствиям: немцы, удерживавшие важнейшие транспортные коммуникации, быстро перебрасывали свои резервы на угрожаемый участок и проводили контрудар. Как следствие – значительные силы, прорвавшихся частей РККА отсекались от главного фронта. Примером тому служат неудачи зимой – весной 1942 г. 29-й, 33-й, и 39-й армий Западного и Калининского фронтов, 2-й ударной армии Волховского фронта, соединений Юго-Западного фронта под Харьковом в Барвенковско-Лозовской операции и др. А.В. Исаев замечает в данной связи, что стандартным германским приемом, приводившим к провалу советского наступления в этот период, являлось удержание “угловых столбов” в основании прорыва соединений РККА. «Немцы всегда находили населенный пункт, находящийся поблизости от советского прорыва, и стягивали к нему крупные силы, обеспечивая плотную оборону. Обходя узлы сопротивления в начальный период операции и отказываясь от лобовых атак, советские войска увязали впоследствии в позиционных боях за “угловой столб”. Такая тактика противника, в любом случае, сужала прорыв, давала германскому командованию контроль над коммуникациями»²⁶.

Однако и тем количеством боевых средств, которым обладали командующие советскими объединениями в начале 1942 г., возможно было распорядиться более удачно. К несчастью, большинство командиров на фронте пока еще не умели вести наступление практически и грамотно, исходя из имевшихся ресурсов и степени противодействия противника. Опыт приобретался на практике и доставался дорогой ценой. “Мощный кулак” (29-я и 39-я армии) генерал-полковника И.С. Конева в феврале 1942 г. оказался отсеченным немцами и понес большие потери. Наши войска неминуемо настигла бы полная катастрофа, если бы не наступление Северо-Западного фронта.

Все эти негативные факторы, иллюстрировавшие боевые возможности советской стороны наглядно свидетельствовали о том, что Красная Армия весной 1942 г. в целом пока еще не представляла эффективной военной машины, способной в обозримые сроки разгромить вермахт. Напротив, Сталин имел все основания считаться с угрозой нового крушения советской обороны на ключевых направлениях советско-германского фронта.

Повышенное беспокойство Ставки ВГК за свой центральный участок подогревалось и немецкой разведкой. Для того чтобы ввести командование РККА в заблуждение, германская сторона разработала план дезинформационных мероприятий, основу ко-

²⁵ Там же, с. 124–125.

²⁶ Исаев А.В. Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву. – Вестник МГИМО (Университета), 2012, № 1(22), с. 33.

торого составила так называемая операция “Кремль”. Предусматривалось проведение перегруппировок сил и средств, передислокация штаба 3-й танковой армии в район Гжатска, усиление аэрофоторазведки Москвы и ее окрестностей, рассылка планов взятия столицы неожиданным ударом вплоть до штабов полков²⁷. Представляется, что подобная дезинформация, вместе с реальными данными о численности немецких соединений на фронте западнее Москвы, стала одной из причин излишнего страха ВГК, проявившегося и в разгар Сталинградской битвы, – не пропустить германского броска в направлении столицы.

Имея в виду исключить захват врагом Москвы и других жизненно важных городов и регионов страны, советское командование не собиралось отсиживаться в обороне. Общий ход летней кампании 1942 г. виделся из Кремля с точки зрения завоевания прочной стратегической инициативы. Намечалось ввести в сражения новые воинские формирования и уже в ближайшее время освободить значительную часть оккупированной территории страны. Однако, как и в ходе предыдущих операций, планы Ставки ВГК грешили переоценкой собственных возможностей и недооценкой силы противника.

В марте 1942 г. на совещании в Государственном Комитете Оборона Б.М. Шапошников предложил ограничиться на ближайший период активной обороной. Однако Сталин считал, что нельзя “сидеть сложа руки”, и было решено нанести по врагу ряд упреждающих ударов на московском, харьковском направлениях, под Ленинградом, в Крыму и на других участках. На практике это решение повлекло за собой подготовку и проведение наступательных операций (большого или меньшего масштабов) фактически на всех советских фронтах, за исключением самого северного, Карельского фронта. Намечались следующие действия: разгром ржевско-вяземской группировки противника, освобождение Харькова и всего Крыма, ликвидация демянского плацдарма, операция по деблокаде Ленинграда. Конечной целью Ставки ВГК был выход к концу 1942 г. на границу СССР. Оборотной стороной смелой инициативы оказывалась самонадеянность. Самым уязвимым местом в советском плане стала сама постановка задач – и обороняться, и наступать. Отсутствие четкого анализа менявшейся ситуации сыграло свою роковую роль в новых неудачах Красной Армии. К тому же некоторое преимущество в инициативе, возможности выбора участка для нанесения очередного удара, достигнутое в зимние месяцы, было утрачено вследствие серьезных ошибок верховного руководства в Москве и командования на фронтах.

Начавшиеся в мае активные боевые действия на многих участках советско-германского фронта довольно быстро вскрыли несостоятельность далеко идущих замыслов командования Красной Армии. Намеченные операции не привели к желаемым результатам. Под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом советские войска потерпели серьезные поражения. Захлебнулось наступление 2-й ударной армии со стороны Волхова к городу на Неве; более того, сама она оказалась отрезанной от основных сил и получала снабжение лишь через узкий коридор, насквозь простреливаемый вражеским огнем. Безуспешными остались попытки советских частей ликвидировать демянский котел, в котором оборонялось до 100 тыс. немецких солдат. Германскому командованию удалось наладить эффективный воздушный мост со своими частями в районе Демянска.

Все эти неудачи привели к тому, что уже в начале лета 1942 г. Красная Армия оказалась в тяжелейшем положении и вынуждена была отступать к Сталинграду и Кавказу. Страна вновь стояла на грани катастрофы. Такое развитие ситуации проистекало, безусловно, из общей слабой боевой эффективности наших Вооруженных сил и военной экономики. Необходимость скорейшего повышения потенциала Действующей армии, насыщения ее новой техникой и обученным пополнением, чтобы не допустить победы врага, а напротив, окончательно переломить ход войны в свою пользу – стало тем эхом Московской битвы, которое отчетливо прозвучало весной 1942 г.

²⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг., т. 1. М., 2011, с. 241–242.

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ: ТЯЖЕЛЫЕ БОИ ПОД ДЕМЯНСКОМ И ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ВЕСНОЙ – В НАЧАЛЕ ЛЕТА 1942 г.

Операция по разгрому демянской группировки противника, включавшей соединения 16-й немецкой армии, началась в рамках общего зимнего наступления советских войск 1941–1942 гг. Главная роль первоначально отводилась 34-й армии генерал-майора Н.Э. Берзарина, входившей в состав Северо-Западного фронта (командующий – генерал-лейтенант П.А. Курочкин). Взаимодействуя с частями 3-й ударной армии на левом фланге и 11-й армией на правом, она должна была окружить несколько немецких дивизий в районе г. Демянска и уничтожить их. Выполнение этой задачи поставило бы немецкую группу армий “Север” в тяжелейшее положение.

В начале января советские войска достигли Старой Руссы, но бои с окопавшимся противником приняли затяжной характер. Опираясь на свои опорные пункты, немцы оказывали ожесточенное сопротивление. Желая переломить ситуацию, 22 января Ставка передала Северо-Западному фронту 1-ю ударную армию, 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса и другие резервы. Демянск предстояло окружить встречными ударами. Почти месяц понадобился советским войскам, чтобы взломать немецкую оборону, но 20 февраля части 34-й армии и 1-го гвардейского стрелкового корпуса соединились в 40 км западнее Демянска, а к концу месяца 11-я, 1-я ударная армии и 2-й гвардейский стрелковый корпус образовали внешнее кольцо окружения. В общей сложности в “котле” оказалось шесть фашистских дивизий численностью до 96 тыс. чел. Однако для ликвидации окруженных войск сил уже не хватило, резервы Ставки были обескровлены в предыдущих боях.

Немецкому командованию достаточно быстро удалось организовать снабжение окруженных соединений по воздуху. Только за март в “котел” было доставлено 24 тыс. т грузов и более 15 тыс. чел. Из окружения вывезли 22 тыс. раненых. К концу марта противник сам перешел к активным действиям. 20 марта усиленная немецкая группировка в составе пяти дивизий (группа “Зейдлиц”) начала операцию по деблокированию демянской группировки, нанеся удар из района Старой Руссы. Части 1-й ударной и 11-й советских армий стойко оборонялись, но враг постоянно наращивал давление, используя свое преимущество в огневых средствах. Встречный удар наносился из самого кольца. 21 апреля коридор к окруженным войскам шириной 4–8 км был пробит в районе дер. Рамушево. Все попытки советских войск вновь перерезать рамушевский коридор остались без результата и привели лишь к новым большим потерям. В конце мая атаки на демянскую группировку прекратились. С 7 января по 20 мая 1942 г. Северо-Западный фронт потерял 245 511 человек, в том числе 88 908 безвозвратно. Бои по ликвидации демянского плацдарма возобновились зимой 1943 г.²⁸

НЕПРОСТЫЕ УРОКИ ДЛЯ Г.К. ЖУКОВА: НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Летом 1942 г. главным приоритетом для Ставки ВГК оставалась защита подступов к столице. Но в ходе развернувшихся на юге России гигантских сражений за Сталинград и Кавказ возникла необходимость сковать силы группы армий “Центр” и исключить тем самым возможность их переброски на юг для поддержки групп армий “А” и “Б”. Судьба кампании, да и всей войны решалась теперь на южном фланге, однако переломить там ситуацию было невозможно без проведения наступательных операций против сильных группировок противника на других направлениях.

Документы советского командования весны–лета 1942 г. недвусмысленно подтверждают существование двуединой цели, существовавшей у советских фронтов, прикрывавших Западное стратегическое направление – защитить Москву и сковать как

²⁸ Демянские операции 1942–1943 гг. – Великая Отечественная война: Энциклопедия. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2010, с. 226–227.

можно больше сил группы армий “Центр”. Ради этого в начале июля 1942 г. войска генерала армии Г.К. Жукова предприняли ряд частных армейских наступательных операций, общим замыслом которых было, как отмечалось, “вскрыть главную группировку противника против левого крыла фронта”²⁹.

Операции 10-й, 16-й и 61-й армий Западного фронта весьма показательны в плане критической оценки боевой эффективности крупных воинских объединений РККА на тот период. Они стали своеобразным экзаменом на способность не только обороняться, но и вести успешные наступательные операции. Закопавшись в землю, группа армий “Центр” весь май и июнь создавала различные заграждения, дзоты, блиндажи, огневые точки. «Как выяснилось, – говорилось в итоговом обзоре штаба Жукова, – немцы начали свое “летнее” наступление главными силами на юге, на Воронежском и Ростовском направлениях. Громадные потери в этом наступлении заставили немецкое командование попытаться стянуть на юг резервы за счет других направлений, в частности, Вяземского и Брянского. Этот маневр был нашим командованием своевременно разгадан, и в момент ожесточенных боев на юге войска Западного фронта перешли к активным действиям, целью которых было сковывание резервов противника и недопущение их переброски на юг»³⁰.

Для наступления был выбран участок левого крыла фронта, против которого, как отмечала разведка, “немцы к концу июня сосредоточили несколько танковых дивизий”. Данные о противнике подтверждали, что он усиленно готовится к каким-то масштабным мероприятиям. Переброска 17-й и 4-й танковых дивизий из района Жиздры к Орлу, могло иметь задачу как дальнейшего продвижения к Воронежу для поддержки германского наступления на юге России, так и организации внезапного броска на северо-восток. В случае успеха последнего группировка РККА в районе Сухиничей была бы отсечена, а немцы получили бы возможность быстро достигнуть окрестностей Москвы через Тулу и Калугу. Еще большее беспокойство вызывали сведения о подходе к Орлу оперативных резервов из глубины – “до 12 дивизий, из них 4 пехотные, 2 моторизованные и до 2-х танковых”. Авиация противника в июне производила разведку, “как поля боя, так и тылов и коммуникаций до рубежа Калуга, Тула”, прикрывала районы своих войск в направлении Рославль, Брянск, Орел. Наибольшая плотность вражеских сил отмечалась на Жиздренском (6 дивизий) и Болховском (4 дивизии) участках, за спиной которых располагались еще и корпусные резервы, включавшие танковые формирования (более 300 танков). Все указанные соединения пока активности не проявляли, но у советского командования был повод опасаться за основание своего глубокого выступа у Сухиничей. В целом перед левым крылом объединения Жукова насчитывалось 14 пехотных, две танковые и одна моторизованная дивизии, т.е. более 1/3 всех дивизий врага, действующих перед ним (48 дивизий, из них в первой линии – 34 и в резерве – 14)³¹. Да и само начертание линии фронта давало противнику определенное преимущество.

К 1 июля 1942 г. в составе войск левого крыла Западного фронта появились новые крупные формирования, способные выполнять задачи “по обеспечению мощных контрударов в случае наступления немцев в северо-восточном и восточном направлениях” (1-й гвардейский кавалерийский, 10-й танковый и 9 гвардейский стрелковый корпуса). Командующий Западным фронтом в соответствии с указаниями Ставки ВГК приказал начать наступление 6 июля 1942 г. 10-й армии предстояло выполнить ограниченную задачу – овладеть западной частью Людиново, тогда как 16-й армии, усиленной 10-м танковым корпусом, “окружить и уничтожить жиздринскую группировку противника, захватить его вооружение и боевую технику и к исходу 9 июля освободить Слободку и Дятьково”. В 16-й армии генерала И.Х. Баграмяна для этого имелись солидные силы –

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1462, л. 69–70.

³⁰ Там же, л. 65.

³¹ Там же, л. 66–67.

115 тыс. чел., более 700 орудий, почти 1,5 тыс. минометов, 369 танков (по другим данным – 384 танка, из них КВ – 46 и Т-34 – 57)³².

Расчет сил и средств, имевшийся до начала наступления, был в нашу пользу (особенно на главных участках). Так, в 16-й армии 2,5 тыс. советским активным штыкам на 1 км фронта противостояло 300 немецких штыков. Преимущество в танках было подавляющим. Но результаты операций все равно оказались мизерными. Прежде всего не брались в расчет те германские силы, которые могли достигнуть передовой и усилить оборону в первые же часы наступления. Потенциал же соединений РККА, напротив, переоценивался. Как правило, в бою участвовало не более половины, а то и всего 1/3 из состава дивизии. Такие показатели не могли вполне гарантировать прорыва, тем более что сами участки наступления были в наших армиях слишком широкими (в 16-й армии, например, 70 км), что вело к распылению сил.

Ранним утром 6 июля, после 30 минутной огневой “обработки” обороны врага, армии перешли в атаку. Но практически сразу встретили ожесточенное сопротивление. Продвинувшись всего на 200–400 м, советские бойцы залегли. В 239-й стрелковой дивизии 10-й армии наступающие полки увязли уже в полосе прикрытия, дзоты противника оказались не разрушенными. Углубившись в лесной массив, пехотинцы наткнулись на сильные заграждения и понесли большие потери от пулеметного и минометного огня и автоматчиков, засевших на деревьях. Вскоре немецкое командование организовало мощные контратаки, в результате которых все наступление фактически захлебнулось. Штаб 10-й армии особо указывал, что достигнуть прорыва не удалось не только из-за отсутствия резервов, но и слабой эффективности нашей артиллерии. “Опыт показал, – замечали штабисты, – что короткие, но сильные 30-минутные огневые налеты на опорные пункты с дзотами, являются напрасной затратой снарядов... Стрельба, по существу, ведется по площади, когда немцы в это время сидят в ДЗОТах и убежищах”. 10-я армия на следующий день возобновила атаки, что привело лишь к новым потерям. За два дня боев они составили в 330-й, 239-й и 323-й дивизиях 271 человек убитыми, 874 ранеными и 8 пропавшими без вести³³.

Перестроив боевые порядки, создав “блокировочные группы” для уничтожения дзотов противника и выведя артиллерию на прямую наводку, армия попыталась в последующие несколько дней решить поставленные задачи. Но время было уже упущено, враг постоянно контратаковал, а его авиация господствовала в воздухе. Спешно создаваемые штурмовые и блокировочные группы не были заранее натренированы и не умели быстро преодолевать минные поля. 12 июля в связи с дальнейшей бесперспективностью дальнейших атак по распоряжению Жукова операция была прекращена. 10-я армия, продвинувшись всего на 1–2 км, лишилась всего за неделю боев 2,5 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести³⁴.

В тот же день пришлось свернуть и наступление 16-й армии, где в бой в первый же день операции были введены танковые бригады, а на второй – 10-й танковый корпус. Донесения с участка прорыва шли отнюдь не радостные. Наши танковые части сразу же понесли серьезные потери и не продвинулись глубоко вперед. Причины были на поверхности: слабая подготовка танкистов, плохое управление на поле боя (на бригаду имелось всего по две радиостанции, установленные на танках), ожесточенные вражеские бомбежки и неумение вовремя рассредоточивать машины во время налетов. Иногда танки попросту сбивались с курса во время движения и тем самым исключались из сражения. Итогом наступления 16-й армии стало то, что она смогла продвинуться на несколько километров, но жиздринскую группировку противника разгромить не удалось. 10-й танковый корпус потерял 82 танка, из них больше всего (38 ед.) легких Т-60, которые могли успешно сопровождать атаки пехоты лишь на слабую оборону противника.

³² Там же, л. 68–69, 50.

³³ Там же, л. 10–20.

³⁴ Там же, л. 81–85.

В целом армия лишилась свыше 150 танков, из них “подбитыми и сожженными” – 30. Погибли 2900 бойцов и командиров, ранения получили 11 900³⁵.

Опыт июльских боев Западного фронта показал, чтобы сбросить врага с хорошо обустроенных позиций, необходимо было заниматься серьезной подготовкой войск, начиная с самого низшего звена (отделение – взвод), до уровня штаба армии и фронта включительно. Полосы прорыва обороны делать более узкими, массировать силы и средства для выполнения главной задачи. Чтобы бойцы смелее шли в атаку, требовалось обеспечить превосходство в воздухе и не просто насытить объединения самолетами, но и научить летчиков “разгадывать замыслы врага”. Пока же наши истребители действовали тактически безграмотно – ввязывались в бои с истребителями противника и отвлекались от поля боя. Тем временем германские бомбардировщики получали полную свободу маневра.

Но июльские бои оказались не напрасными. Во-первых, командование и рядовые солдаты учились воевать, большой кровью платя за каждую ошибку на уровне тактического, оперативного и стратегического руководства войсками Красной Армии. Во-вторых, Западному фронту Жукова удалось добиться главного – не допустить намечавшейся переброски германских соединений на южное направление, туда, где разворачивались решающие сражения войны. По итогам боев советское командование отмечало, что немцам пришлось бросить против 16-й армии все резервы, “часть которых, как выяснилось, была предназначена к переброске в другие районы (19 тд была спешно возвращена из-под Рославля, где она находилась в вагонах на пути в Смоленск)”. Делался вывод: “Если учесть, что в июле немцы вели активные действия на юге [Советского] Союза, станет очевидным, что привлечение резервов противника к фронту 16-й армии, являлось фактом, имеющим существенное значение”³⁶.

Другим “существенным фактом” стало вскрытие германской группировки на левом крыле Западного фронта, втягивание ее в ожесточенные бои и, как следствие, ликвидация имевшихся у группы армий “Центр” перспектив подготовить удар на Москву через Калугу и Тулу. Активность советских армий вынуждала немцев вязнуть в локальных сражениях, которые, хотя и не приносили успеха РККА, ни на йоту не приближали вермахт к победе.

Тяжелые бои на Западном направлении в начале июля 1942 г. стали всего лишь одними из многих событий на советско-германском фронте. Но без них не возможно было добиться той критической массы советских военных усилий, благодаря которым в последующие месяцы Красная Армия опрокинула и подмяла под себя отлаженную машину вермахта.

ПАДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

В то время, когда в конце апреля 1942 г. затухали боевые действия советских фронтов в ходе Ржевско-Вяземской операции и целый ряд прорвавшихся вперед советских соединений сами успели попасть во вражеский капкан в полосе Калининского и Западного фронтов, не лучшим образом складывались дела и на юге. Фактически захлебнулось наступление Красной Армии в Крыму, западнее Керчи. Командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов был практически подавлен “опекой” со стороны члена Военного совета фронта Л.З. Мехлиса, действовал с оглядкой на него, что привело к плачевным последствиям. Начавшееся 8 мая 1942 г. немецкое наступление на Керченском полуострове привело к прорыву неподготовленных к обороне советских позиций. Керченская катастрофа стоила советским войскам 176 тыс. чел. Теперь все немецкие силы в Крыму были переброшены к Севастополю.

Оборона города продолжалась с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г. После того, как осенью 1941 г. немецкие войска ворвались в Крым, они бросили на захват Севастополя

³⁵ Там же, л. 97, 109.

³⁶ Там же, л. 96, 98–99.

основные силы 11-й армии генерал-полковника Э. Манштейна. Еще 4 ноября был создан Севастопольский оборонительный район (СОР), в который вошли войска Приморской армии, морские, сухопутные и авиационные части Черноморского флота (ЧФ). Командующим СОР был назначен командующий ЧФ вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, его заместителем по сухопутной обороне – генерал-майор И.Е. Петров. Более 15 тыс. севастопольцев вступили в народное ополчение и были направлены на пополнение воинских частей. Огневую поддержку войск береговых батарей осуществляли также корабли ЧФ.

В конце мая 1942 г. положение осажденного Севастополя стало критическим. Немецкое командование решило воспользоваться благоприятно складывающейся обстановкой в Крыму и организовать новое мощное наступление на главную базу Черноморского флота. Судьба города была предопределена. После многодневных интенсивных налетов авиации и артиллерийских обстрелов 7 июня 1942 г. немцы предприняли третий по счету штурм Севастополя. К концу июня силы защитников города истощились до предела, заканчивались боеприпасы. Противник господствовал в воздухе, подтягивал резервы и продолжал почти непрерывные атаки. 29 июня немцы ворвались в городскую черту. 30 июня развернулись ожесточенные бои за Малахов курган, господствовавший над бухтой. По указанию Ставки ВГК остатки войск, оборонявших Севастополь, должны были эвакуироваться в Новороссийск (к несчастью, с большим опозданием). Но к 1 июля противник блокировал СОР с моря и держал под огнем все близлежащее побережье. В этих условиях эвакуировать удалось лишь незначительную часть защитников города. По сведениям генштаба Красной Армии 4 июля 1942 г., на побережье под Севастополем оставалось еще много отдельных групп бойцов и командиров, продолжающих оказывать сопротивление врагу. Для их эвакуации было приказано посылать мелкие суда и морские самолеты. Из-за огня противника людей могли принимать на борт лишь в 500–1000 м от берега. Советские войска понесли большие потери. По отечественным данным, безвозвратные потери войск СОР с 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г. составили более 156 тыс. убитыми, пленными и пропавшими без вести. Немцы и их союзники в ходе осады и штурма Севастополя также понесли огромные потери – до 300 тыс. убитыми и ранеными.

Оборона города продолжалась 250 дней и стала символом мужества и героизма советских воинов. Она сковала крупные силы противника на южном фланге советско-германского фронта, которые в противном случае могли быть использованы на одном из решающих участков германского наступления летом 1942 г. Однако германское командование смогло вынудить после падения Севастополя значительные силы 11-й армии Манштейна, которые затем были переброшены на север для захвата Ленинграда. Падение города стало тяжелым моральным ударом для Красной Армии и всего советского народа.

КАТАСТРОФА ПОД ХАРЬКОВОМ

Как уже упоминалось выше, на мартовском 1942 г. совещании в Кремле было решено провести серию частных наступательных операций на различных участках советско-германского фронта, что явно не соответствовало возможностям РККА. Следует отметить, что инициатива некоторых операций исходила не только от Верховного, но и от командования объединениями. Так, Военный совет Юго-Западного направления (ЮЗН) – главнокомандующий ЮЗН, командующий Юго-Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко, член военного совета Н.С. Хрущёв, начальник штаба генерал-лейтенант И.Х. Баграмян в конце марта 1942 г. предложили Ставке ВГК провести наступательную операцию на их направлении с целью разгрома противостоящих сил противника и последующего выхода Красной Армии на линию Гомель, Киев, Черкассы, Первомайск, Николаев.

Для проведения операции командование ЮЗН попросило у Ставки дополнительные силы и средства. Генеральный штаб, рассмотрев это предложение, доложил И.В. Стали-

ну о своем несогласии и невозможности проведения крупной наступательной операции на юге весной 1942 г. Ставка ВГК, не располагая в этот период достаточными резервами, согласилась с мнением Генерального штаба. Однако военному совету ЮЗН все же удалось настоять на проведении частной наступательной операции с целью освобождения Харькова и создания условий для последующего наступления в районе Донбасса. Согласно замыслу операции предусматривалось нанесение двух ударов по сходящимся направлениям: одного – из района южнее Волчанска, другого – с Барвенковского выступа в общем направлении на Харьков.

Командование группы армий “Юг” (командующий генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) также готовилось к операции под кодовым названием “Фридрикус-1” с целью ликвидации Барвенковского выступа, который создавал угрозу немецким войскам, действовавшим под Харьковом и в Донбассе. Немецкий план состоял в том, чтобы встречными ударами 6-й полевой армии генерала пехоты Ф. Паулюса из Балаклеи и армейской группы генерал-полковника Э. фон Клейста в составе двух армий (1-я танковая и 17-я полевая армии) из района Славянска и Краматорска в общем направлении на Изюм окружить и уничтожить советские войска в этом выступе, затем захватить плацдарм в районе Изюма, для развития наступления в направлениях Кавказа и Сталинграда. Начало операции намечалось на 17 мая 1942 г. Советские планы стали известны немцам, так как еще 22 апреля 1942 г. из-за ошибки пилота к ним в плен попал командующий 48-й армией Брянского фронта генерал-майор А.Г. Самохин, имея при себе директиву Ставки ВГК и оперативную карту с планом Харьковской наступательной операции³⁷.

Начальник Генерального штаба РККА маршал Б.М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ для войск Юго-Западного и Южного фронтов, вновь предложил воздержаться от проведения операции. Однако военный совет ЮЗН продолжал настаивать на ее проведении. Мнение И.В. Сталина склонилось в пользу проведения операции, и Ставка дала добро. Начало ее было назначено на 12 мая 1942 г.

Таким образом, к наступательным действиям готовились обе стороны. От исхода предстоявшего сражения зависело дальнейшее развитие летне-осенней кампании 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта.

Наступление войск Юго-Западного фронта (ЮЗФ) началось, как и планировалось, 12 мая 1942 г. Южный фронт имел задачу оборонять занимаемые рубежи в целях обеспечения наступления ЮЗФ, при этом достаточными силами для создания прочной обороны он не располагал. За первые три дня ударные группировки прорвали немецкую оборону в полосе до 50 км каждая и продвинулись из района Волчанска на 18–25 км, а от Барвенковского выступа на 25–30 км, поставив в тяжелое положение 6-ю полевую армию вермахта. Однако противник, несколько изменив первоначальный план действий, 17 мая 1942 г. также перешел в наступление. Войска генерал-полковника Э. фон Клейста нанесли мощные удары севернее Славянска и южнее Барвенково по слабо подготовленной в инженерном отношении обороне 9-й армии Южного фронта. Уже в первый день ее оборона была прорвана.

Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский предпринял попытку организовать контрудар и восстановить положение, однако противнику удалось авиаударами нарушить связь и управление войсками. Обстановка требовала немедленного прекращения Харьковской операции. Вечером 17 мая 1942 г. исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенант А.М. Василевский доложил И.В. Сталину о критической обстановке на Южном фронте и предложил прекратить наступление, а часть высвободившихся войск Юго-Западного фронта использовать для ликвидации прорыва противника. Иного способа исправить положение не было, поскольку Ставка в этом районе резервами не располагала.

Сталин и руководство ЮЗН пришли в замешательство. Однако они явно недооценили опасность и сочли возможным продолжение харьковской операции. Тем временем

³⁷ Бирюзов С.С. Суровые годы. М., 1966, с. 76.

ситуация под Барвенково и Славянском ухудшалась с каждым часом. В 22 часа 18 мая 1942 г. главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал С.К. Тимошенко, член Военного совета Н.С. Хрущёв и начальник штаба И.Х. Баграмян констатировали: “С утра 17.05 противник, отбросив 9 А Южного фронта, прорвался отдельными танковыми группами в направлении Славянск, Изюм, Андреевка, Барвенково”. Мероприятия по ликвидации прорыва должного результата не дали. В связи с этим руководство ЮЗН решило срочно изыскать виновника приближавшейся трагедии, которым стал командующий 9-й армией. “Вместо того, – отмечалось в боевом приказе Тимошенко, Хрущёва и Баграмяна, – чтобы использовать имеющиеся резервы, не допустить распространение танков противника к переправам на р. Сев. Донец, организовать взаимодействие дивизий и ликвидировать прорыв, командующий 9 А генерал-майор Харитонов бросил на произвол судьбы свои войска и трусливо сбежал в Изюм. Благодаря этому уже к полудню 18.05 противник слабыми силами вышел на южный берег р. Сев. Донец на участке Богородичное, Пришиб и отдельными группами танков подошел к южной части [города] Изюм”.

Досталось в приказе и командующему Южным фронтом генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому, который со своим штабом “не проявили достаточной энергии и решительности для восстановления утерянного управления войск, и до сего времени руководство боевыми действиями [9-й] армии доверяется обанкротившемуся в бою генералу Харитонову”. Дальнейшие указания были жесткими: “Харитонova от командования отстранить и предать суду Военного трибунала”, а Малиновскому самому принять руководство 9-й армией и отсечь прорвавшегося в наш тыл врага³⁸.

Генерал-майор Ф.М. Харитонов не был осужден и воевал дальше. Верховное командование понимало, что причина немецкого успеха не в поведении командарма, а в общей переоценке наших сил и возможностей на харьковском направлении и допущенных ошибках стратегического масштаба³⁹.

Обстановка на Барвенковском выступе 18 мая 1942 г. стала критической, однако Ставка опять отклонила предложение Генштаба о прекращении наступления. Только вечером 19 мая, когда угроза окружения советских войск стала более чем очевидной, Тимошенко отдал приказ войскам ЮЗФ перейти к обороне, а основную часть войск 6-й армии и два танковых корпуса использовать для разгрома прорвавшегося в их тыл противника. Но это решение было принято слишком поздно. Стремительным продвижением своих танковых и моторизованных соединений противник сорвал сосредоточение советских частей на участке прорыва и вынудил их вступать в бой разрозненно, без авиационной и артиллерийской поддержки.

23 мая 1942 г. армейская группа Клейста, наступавшая из-под Краматорска, соединилась в районе Балаклеи с частями 6-й полевой армии Паулюса, наносившей удар с севера. Пути отхода на восток частям Красной Армии, действовавшим на Барвенковском выступе, были отрезаны. Руководство окруженной группировкой было возложено на заместителя командующего ЮЗФ генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко. Группировка вела тяжелые бои с 24 по 29 мая. Попытка командования Юго-Западного направления деблокировать окруженные соединения удалась лишь частично. По советским данным, наши войска потеряли безвозвратно под Харьковом 170 тыс. человек⁴⁰. Погибли многие видные военачальники – генерал-лейтенанты Ф.Я. Костенко, А.М. Городнянский, К.П. Подлас.

Харьковская катастрофа резко ухудшила обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта. Поражение Красной Армии предопределило овладение вермахтом стратегической инициативой и облегчило начало 28 июня 1942 г. немецкого

³⁸ ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 164, д. 844, л. 247–248.

³⁹ Впоследствии Ф.М. Харитонов участвовал в Сталинградской битве, Острогожско-Россошанской, Донбасской и других операциях. Умер 28 мая 1943 г.

⁴⁰ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. Потери вооруженных сил. М., 2001, с. 311.

генерального наступления на юго-западном направлении. В результате тяжелых и неудачных оборонительных боев, войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов отступили на 100–400 км, а германские войска нацелились на Сталинград и Кавказ.

Германский натиск на Юго-Западный фронт и левое крыло Брянского фронта возобновился практически сразу же. Группа армий “Юг” стремилась использовать создавшиеся выгодные условия и нанесла в начале июня новые удары восточнее Харькова. Как ни странно, советские войска после столь тяжелых потерь в мае 1942 г. сохраняли значительное численное превосходство над германскими частями на южном крыле Восточного фронта: 1700 тыс. советских солдат противостояло 900 тыс. немецких. Однако потери Красной Армии продолжали расти, а группа армий “Юг” получала новые подкрепления. По этой причине Сталин был вынужден начать переброску с Дальнего Востока дополнительных резервных сил (до 10–12 дивизий), чтобы закрыть образовавшуюся в обороне брешь.

Уже 10 июня 1942 г. ожесточенные бои разгорелись в направлениях на Волчанск, Чугуев, Купянск. Командующий ЮЗФ С.К. Тимошенко, член Военного совета Н.С. Хрущёв и начальник штаба И.Х. Баграмян отправляли донесения на имя самого Сталина. Последний лично следил за обстановкой на обозначившемся теперь самом опасном направлении гигантского фронта. Удары по стыкам советских 21-й, 28-й и 38-й армий наносились крупными пехотными и моторизованными силами группы армий “Юг”, при поддержке нескольких сотен танков и подавляющем превосходстве в воздухе. Наши войска не выдержали натиска и начали отход. 11 июня командование Юго-Западного фронта адресовало Сталину нервное послание, где констатировалось полное бессилие советской авиации и вытекающие из этого последствия: “В начавшемся наступлении на Купянском направлении противник применяет на поле боя и в ближайшем тылу наших войск свою авиацию массированно, имея в воздухе почти постоянно две-три группы бомбардировщиков, плотно прикрытых истребителями. Самолетов в каждой группе доходит до 70–100 единиц... В настоящее время мы располагаем только 200 исправными дневными боевыми самолетами. При тройном превосходстве противник господствует в воздухе и, летая на средних и низких высотах, бомбит и почти безнаказанно расстреливает наши боевые порядки и танки. Это обстоятельство резко снижает боевую эффективность применения наших танков и снижает боевую стойкость нашей пехоты. Учитывая, что противник стянул на харьковское направление основную массу своих танковых войск (3, 23, 14, 18 тд [танковая дивизия] и 60 мд [моторизованная дивизия] и значительное количество самолетов и ищет на этом направлении основного решения своего летнего наступления, мы настоятельно просим Вас увеличить общее количество боевых самолетов ВВС ЮЗФ до 500 единиц”. Большую часть из них Тимошенко и его штаб просили перебросить “за счет временной помощи с других фронтов”, но только так, за счет “уравновешивания сил в воздухе”, можно было “гарантировать разгром противника”⁴¹.

Однако переломить в свою пользу ситуацию в воздухе и на земле Юго-Западного фронту не удалось. Контрудары 38-й армии смогли лишь задержать, но не остановить части вермахта. 11–12 июня советские войска под давлением противника отводились на восточный берег р. Сев. Донец. В полосе 28-й армии танки врага устремились к н.п. Вел. Бурлук. В воздухе одновременно находилось 150–200 вражеских самолетов. Тимошенко заключал: “По-прежнему главной силой врага, снижающей эффективность нашей обороны и контрудары наших танковых соединений, является авиация”⁴².

До конца июня 1942 г. войска Юго-Западного фронта вели бои с мощными подвижными соединениями группы армий “Юг”. Противник, захватив Вел. Бурлук, ворвавшись в Купянск, вышел к 23 июня к р. Оскол. Советские 38-я армия и правый фланг 9-й армий

⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 164, д. 844, л. 6–12.

⁴² Там же, л. 162.

“с целью сохранения живой силы, материальной части и создания прочной обороны” по приказу Военного совета ЮЗФ были отведены на восточный берег Оскола⁴³.

Германское командование не прекращало давления на Юго-Западный фронт, но было件нятно, что это только прелюдия к генеральному наступлению, подготовка к которому в конце июня 1942 г. вступила в завершающую стадию. Первоначально операция “Блау” была назначена на 23 июня. Но в связи с ожесточенными боями под Севастополем этот срок перенесли на 28 июня. К востоку от Курска были сосредоточены немецкие 2-я, 4-я танковая и 2-я венгерская армии под общим командованием генерал-полковника М. Вейхса, которые 28 июня и перешли в наступление. Немцы нанесли новые, более мощные удары, они теперь следовали один за другим без передышки. Вечером 1 июля частям вермахта удалось захватить плацдармы на восточном берегу р. Оскол, прорвав оборону 28-й советской армии. Контрудары 23-го и 13-го танковых корпусов Юго-Западного фронта большого успеха не имели⁴⁴. Тем временем 4-я немецкая танковая армия быстрыми темпами выходила к р. Дон в районе Воронежа.

Немецкое командование в начале июля приняло решение начать операцию “Клаузевиц”. Ее цель – глубокий охват Юго-Западного фронта и выход немецких сил на оперативный простор. 4 июля развернулись жестокие бои на подступах к Воронежу, а затем и в самом городе. Советское командование срочно перебросило к городу 5-ю танковую армию генерал-майора А.И. Лизюкова. Отчаянные атаки советских танкистов вынудили немцев увязнуть в боях за городские кварталы. Вскоре Гитлер приказал повернуть часть сил Вейхса к юго-востоку и продолжать наступление навстречу 6-й армии Паулюса, перешедшей в наступление 30 июня. 7 июля группа армий “Юг”, насчитывавшая теперь около 1,2 млн. чел., была разделена на две примерно равные части: группы “Б” и “А” под командованием фельдмаршалов Ф. Бока и В. Листа, которые должны были нанести встречные удары со стороны Воронежа (группа “Б”) и со стороны Славянска (группа “А”). Группа армий “Б”, включавшую в себя 4-ю танковую, 6-ю и 2-ю армии, 8-ю итальянскую армию и 2-ю венгерскую армию, возглавил Ф. Бок. В группу армий “А” В. Листа входили 1-я танковая армия и армейская группа Р. Руоффа (17-я немецкая и 3-я румынская армия)⁴⁵.

После прорыва к Воронежу 4-я танковая армия развернула стремительное наступление на юг вдоль Дона во фланг и тыл Юго-Западного и Южного фронтов. Советские войска начали быстрый отход. Силы 38-й и 9-й армий и ряд других соединений в середине июля оказались фактически в кольце немецких войск в районе Миллерово.

Почему же немцам вновь удалось, так же как и летом 1941 г., стремительно продвигаться вперед, окружить и в значительной мере обескровить крупные воинские формирования РККА, обладавшие большей численностью, чем немецкие ударные соединения и войска сателлитов Германии? Ответ неоднозначен. Во-первых, германская сторона превосходила советскую в подвижности, а, следовательно, имела преимущество в выборе участка прорыва. Соединения вермахта могли ударить в том месте, где их совсем не ждали. Во-вторых, немецкие командиры еще превосходили советских военачальников в тактике ведения боевых действий. В-третьих, массированное и безнаказанное использование врагом авиации на поле боя часто дезорганизовывало советские войска, делало контрудары неэффективными. История повторялась, и германские самолеты, как и летом 1941 г., нависали над головами отходящих советских колонн. Еще требовалось время, чтобы перебороть “отступательный синдром”. Неудачи в Крыму и под Харьковом отнюдь не способствовали этому процессу.

23 июля Юго-Западный фронт, отступавший в Большой излучине Дона, был переименован в Сталинградский. Командующим фронта стал вначале С.К. Тимошенко, но вскоре руководство объединением было возложено на генерал-лейтенанта В.Н. Гордова. 28-я, 38-я, 9-я и 57-я армии Юго-Западного фронта передавались в состав Южного фронта.

⁴³ Там же, л. 171–202.

⁴⁴ Там же, л. 362–365.

⁴⁵ Великая Отечественная война 1941–1945, т. 1, с. 242.

“ЗА ВОЛГОЙ ЗЕМЛИ НЕТ”: ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СТАЛИНГРАДА

Сталинградская битва (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) делится на оборонительный и наступательный этапы. Первый оборонительный этап продолжался до 19 ноября 1942 г. – до того момента, когда советские войска перешли в решительное контрнаступление. Лето и осень 1942 г. стали тем критическим рубежом, когда враг окончательно убедился в стойкости силы Красной Армии и всего советского народа. За операциями, проведенными советскими войсками для удержания Сталинграда, следил весь мир. Стойкость советских воинов стала решающим фактором в достижении Красной Армией коренного перелома в войне. В Сталинградской битве в разное время участвовали войска Сталинградского, Юго-Восточного, Юго-Западного, Донского, левого крыла Воронежского фронтов, Волжская военная флотилия и Сталинградский корпусной район ПВО.

После того как немецкие войска в середине июля вновь охватили часть сил на южном фланге советско-германского фронта, Ставка ВГК, наученная горьким опытом прежних неудач, приняла решение отвести свои войска на восток, не дожидаясь того, когда делать это будет уже поздно. 28-я, 38-я, 9-я армии Юго-Западного фронтов, а также 37-я армия Южного фронта начали отступление к большой излучине Дона. В результате немецкое командование не смогло провести полного охвата отступающих советских сил. Руководство Красной Армии делало выводы из недавних поражений. Несмотря на то, что отступление к Дону проходило по открытой местности, в условиях господства в воздухе германской авиации, катастрофы, подобной харьковской, не произошло, и гигантской ловушки удалось избежать. Даже тогда, когда немцам удавалось опережать советские части, выходить им в тыл, командиры Красной Армии не теряли самообладания и принимали все меры для прорыва вражеских заслонов.

Отсутствие быстрых и, самое главное, громких побед в излучине Дона раздражало Гитлера. Желая покарать кого-нибудь за такое состояние дел, фюрер принял решение отстранить фельдмаршала фон Бока от командования группы армий “Б”. 15 июля его преемником на этом посту стал генерал-полковник М. Вейхс. Задачей немецких войск на юге России Гитлер считал быстрейшее продвижение к Ростову, занятие переправ через Дон и выход к предгорьям Кавказа. Основная нагрузка в наступлении ложилась на группу “А”, продвигавшуюся по направлению к Северному Кавказу. Группа “Б” должна была прикрыть ее с севера и занять Сталинград.

К середине июля немецкое командование обнаружило для себя новую неприятность. Все разведанные свидетельствовали о том, что взять Сталинград сходу вряд ли удастся. Вокруг города еще с осени 1941 г. строились целых три оборонительных обвода. Сталинград был крупнейшим промышленным центром, в нем находились такие крупные оборонные предприятия, как “Судоверфь”, “Красный Октябрь”, Сталинградский тракторный завод. Из ворот последнего выходило к тому времени до 50% всех танков Т-34. В городе производились пушки, мощные двигатели, стрелковое оружие и другая военная техника. Но самое главное, к июлю 1942 г. к западу от Сталинграда был создан новый фронт, готовый вести решительную оборону. Поэтому германское командование вынужденно было перебросить на сталинградское направление дополнительные силы. В состав 6-й армии Паулюса влились шесть новых дивизий, снятые с кавказского направления, что значительно усилило ее наступательную мощь. Чем больше сюда перебрасывалось немецких сил, тем ожесточеннее шла борьба на подступах к Волге, тем значимей становилась победа какой-либо из сторон в этом гигантском сражении. Отметим также, что уже на первом оборонительном этапе Сталинградской битвы советское командование получило некоторое преимущество перед противником. Немецкие войска наносили удары по расходящимся направлениям: на Сталинград и на Кавказ (причем по мере развития наступления разрыв между ними увеличивался). Это ослабляло общую мощь германского удара на юге России, позволяло советскому командованию маневрировать резервами. Позднее это дало возможность облегчить задачу перехода в контрнаступление.

Однако во второй половине июля 1942 г. положение на сталинградском и ростовском направлениях продолжало складываться не в пользу советских войск. Ставка ВГК приказала командующему Южным фронтом Р.Я. Малиновскому отвести войска за Дон в его нижнем течении. 25 июля Ростов-на-Дону пал. Организовать здесь крепкую оборону и вернуть город советскому руководству не удалось. К западу от Сталинграда перебрасывались новые советские резервы. В состав Сталинградского фронта вошли 63-я, 62-я, 64-я армии – всего около 200 тыс. чел. Кроме того, из Юго-Западного фронта передавались 8-я воздушная и 21-я армии; в бой вводились две морские стрелковые бригады, курсанты военных училищ.

Бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля 1942 г. Сталинградский фронт занял оборону по левому берегу р. Дон до Серафимовича и Клетской, и далее на юг в излучине Дона – до Верхнекурмоярской. От Верхнекурмоярской до Таганрогского залива развернулся Южный фронт. При отступлении Южный фронт понес тяжелейшие потери. В четырех его армиях осталось лишь немногим больше 100 тыс. чел. Чтобы укрепить руководство войсками на северокавказском направлении, Ставка расформировала Южный фронт, а все его оставшиеся войска передала в состав Северо-Кавказского фронта, командующим которым был назначен Маршал Советского Союза С.М. Будённый. 37-я и 12-я армии Северо-Кавказского фронта получили задачу прикрывать ставропольское направление, а 18-я, 56-я и 47-я армии – красnodарское.

23 июля командование Сталинградским фронтом принял за себя В.Н. Гордов, тогда как С.К. Тимошенко был отозван в распоряжении Ставки. Тогда же в район Сталинграда для координации действий войск прибыл начальник Генштаба РККА А.М. Василевский. Очевидно, что Сталин не забыл провала Тимошенко под Харьковом и окружения под Миллерово. До назначения в октябре 1942 г. командующим Северо-Западным фронтом он практически оставался не у дел, выполняя отдельные поручения Верховного. Сталин, вызывая его в Москву, бросил всего лишь несколько фраз, мол, маршал устал и ему надо отдохнуть. Тимошенко, конечно, нес полную ответственность за предыдущие неудачи, но справедливости ради отметим, что ее в равной мере разделяет и Ставка, допустившая неверную оценку ситуации весной – в начале лета 1942 г. Тимошенко обладал твердой волей и несомненным полководческим талантом. Современные историки оценивают его руководство войсками достаточно высоко⁴⁶.

23 июля противник нанес удар по главным силам 62-й и 64-й армий. Передовые отряды советских армий, мужественно обороняясь, сдерживали противника несколько дней на рубеже рек Чир и Цимла. Все это время в тылу фронта шло усовершенствование защитных рубежей. К сожалению, первые же столкновения с врагом стоили нашим войскам серьезных потерь. Одно из самых многочисленных объединений вермахта, 6-я армия Паулюса, быстрыми темпами подходило к Дону с запада. Она имела две ударные группировки северную (14-й танковый и 8-й армейский корпуса) и южную (51-й армейский и 24-й танковый корпуса). Наступая на Клетскую, северная ударная группа 6-й армии смяла оборону 62-й армии на правом фланге, имевшую здесь самую низкую плотность. Главный удар противника ожидался на другом – левом фланге, выведившем войска кратчайшим путем к Сталинграду. Это был просчет советского командования, вызванный прежде всего отсутствием полных разведданных о силах и намерениях противника. Обходя фланги советских войск, части вермахта пытались окружить их в большой излучине Дона, выйти в район Калача и быстро прорваться к Сталинграду. В тот же день появилась директива № 45 верховного командования вермахта о продолжении операции “Брауншвейг” (так с 30 июня стала называться операция “Блау”). Группе “Б” теперь, после выполнения первой задачи наступления, ставилась задача уничтожить противника на пути к Сталинграду, перерезать перешеек между Доном и Волгой и парализовать движение по реке⁴⁷.

⁴⁶ См.: *Португальский Р.М., Доманк А.С., Коваленко А.П.* Маршал С.К. Тимошенко. М., 1994, с. 249–250.

⁴⁷ Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 388.

Вскоре две стрелковые дивизии и ряд других советских частей оказались в окружении. Угроза капкана продолжала оставаться для всей 62-й армии Сталинградского фронта. Лишь спешный ввод в бой бригады тяжелых танков КВ и контрудар 13-го танкового корпуса с юга предотвратил быстрый выход врага в тыл основным силам 62-й армии. Тем временем части 64-й армии, отступая под натиском южной группировки 6-й немецкой армии, вынуждены были отойти за р. Дон.

Советское командование признавало, что предпринятых контрмер совершенно недостаточно, чтобы отразить удар мощной группировки противника. Тогда Сталин обратился к плану ускоренного формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий (командующие генералы К.С. Москаленко и В.Д. Крючёнкин) за счет подходящих резервов. Им ставилась цель – наступление по сходящимся направлениям на верхнебузюновскую группировку врага (14-й танковый корпус 6-й армии). Как вспоминал маршал Василевский, это была “единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон”⁴⁸.

Уже 26–29 июля перешли в наступление танковые корпуса 4-й танковой армии, а 30 июля часть сил 1-й танковой армии. Но контрудар против группировки Паулюса не достиг своей цели. Соединения вводились в бой разрозненно. В 22-м танковом корпусе из 175 танков к 1 августа осталось всего 56 машин⁴⁹. Всего за несколько дней советские войска потеряли в большой излучине Дона до 450 танков, в том числе 1-я и 4-я танковые армии – до 300. В результате Сталинградский фронт лишился своего “бронированного кулака” и вынужден был снова отступать. Части 62-й армии вскоре оказались в мешке, и им пришлось прорываться из него с большими потерями. Тем не менее врагу пришлось на некоторое время задержать дальнейшее продвижение вперед своих передовых корпусов и дожидаться резервов. Маршал Г. К. Жуков замечал по этому поводу: “Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода в то время у Ставки не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо”⁵⁰.

Беспристрастный анализ тех событий показывает, что иной путь все же был возможен. При более тщательной подготовке танкового наступления, внимательном отношении к тактике ведения боя механизированных соединений советские войска могли уже тогда, в июле 1942 г., переломить ход сражения и нанести крупное поражение наступающим колоннам 6-й армии вермахта. Всего этого не случилось, и силы танковых войск были растратчены впустую.

Другая причина коренится в общей стратегии выбранной советским верховным командованием на 1942 г. Увлечшись наступательными действиями в конце весны, Ставка предредила многие поражения Красной Армии. Последующие события, когда враг уже овладел стратегической инициативой, заставляли Верховного, Генштаб и командующих фронтами лишь реагировать с большим или меньшим успехом на складывающуюся обстановку. Плохо подготовленные контрудары вели к большим потерям, но относились к разряду неизбежных, когда на кону стояло удержание жизненно важных центров России.

Недооценка стратегической обороны, поспешная подготовка наступательных операций, по-прежнему, присутствовали в высшем звене руководства РККА. Как-то после войны, вспоминая свои поражения, С.К. Тимошенко вопрошал Г.К. Жукова: “До сих пор не могу понять, почему же мы в 1942-м не решились перейти к обороне, как это потом сделали под Курском в 1943-м?” Жуков после тяжелого вздоха ответил: “Нужны были накопленные за два года войны горький опыт, мужество и стратегическая мудрость, чтобы созреть до таких решений”⁵¹.

⁴⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1978, с. 211.

⁴⁹ Великая Отечественная война 1941–1945, т. 1, с. 245–247.

⁵⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 2002, с. 70.

⁵¹ Цит. по: Гареев М.А. Сражение на Волге. – Живая память. Великая Отечественная: правда о войне, т. 2. М., 1995, с. 51.

Следует также подчеркнуть, что сильными сторонами противника, наряду с превосходством в воздухе и умелым использованием танковых соединений, оставалось хорошо налаженная связь. Она во многом обеспечивала на данном этапе четкое взаимодействие войск на поле боя. Немцы в полную силу использовали радиосвязь, тогда как в наших частях преобладала проводная, которая часто рвалась. Приходилось использовать посыльных, которые приносили приказы часто уже тогда, когда обстановка кардинально менялась и требовала новых решений. Но и в действиях частей вермахта стал проявляться шаблон. Размеренно, исходя из устоявшейся программы, за авиацией в бой вступали танки, за ними – пехота. Герой Сталинграда В.И. Чуйков замечал позже, что немецкие танки не шли в наступление без поддержки пехоты и авиации⁵².

Горькие уроки поражений не пропадали даром: именно тогда в Генштабе РККА, в оперативных управлениях советских фронтов многие военачальники стали осознавать непреложную истину – для того чтобы разбить врага, нанести ему сокрушительное поражение, необходима тщательная и всесторонняя подготовка, организация полнокровных резервов, отработка взаимодействия на всех уровнях фронтового и армейского командования.

Но пока положение на сталинградском направлении продолжалось ухудшаться. Фронт практически лишился своих наступательных возможностей, а оборона во многом была дезорганизована. Нужны были новые резервы. К юго-западу от театра сражений за Сталинград, обстановка также складывалась драматически. В конце июля 1942 г., захватив Ростов-на-Дону, немцам удалось быстро форсировать Дон в его нижнем течении. Танковые и моторизованные колонны фельдмаршала Листа неудержимым потоком двинулись по просторам Кубани. Танкисты 1-й танковой группы Клейста давили своими гусеницами богатейший урожай пшеницы, который был выращен, но так и не собран. Красная Армия лишилась не только многих тысяч тонн хлеба, под германской оккупацией вскоре оказались крупные нефтяные месторождения в районе Майкопа. Лишь благодаря оперативным действиям спецорганов их удалось взорвать перед самым приходом гитлеровских войск. Отступать дальше теперь означало подорвать жизненные силы государства, лишиться сырья, которое позволяло вести войну. Под пятой оккупантов уже находилась огромная территория, миллионы советских солдат томилась во вражеских лагерях. Правдой являлось и то, что десятки тысяч военнослужащих Красной Армии и гражданских лиц согласились (одни добровольно, другие из-за невыносимых условий плена и оккупации) сотрудничать с врагом. В одном только тыловом районе 6-й армии Паулюса во время ее наступления на Сталинград находилось до 50 тыс. советских военнопленных, так называемых хиви – “добровольных помощников”, обеспечивавших снабжение боевых германских частей. Над страной вновь, как и осенью 1941 г., нависла смертельная опасность.

28 июля 1942 г. появился приказ народного комиссара обороны № 227, подписанный лично Сталиным (известный под названием “Ни шагу назад!”). Суровыми мерами предусматривалось навести порядок в войсках, укрепить их дисциплину, пресечь сдачу в плен к противнику. Без распоряжения сверху запрещалось оставлять занимаемые позиции. Заградительные отряды обязаны были расстреливать отступающих дезертиров, паникеров и трусов. Для нарушителей воинской дисциплины, бойцов и командиров, совершивших различные проступки, предусматривалось наказание в виде штрафных рот и батальонов. Документ зачитывался перед строем во всех подразделениях Красной Армии и Военно-Морского флота.

Приказ стал одним из самых жестких нормативно-правовых актов Второй мировой войны. Несмотря на то, что в наши дни он подвергается ожесточенной критике, его необходимость в тех условиях казалась очевидной. Можно сказать, что приказ произвел перелом в моральном настрое многих солдат и офицеров. Он мало кого удивил – подобного давно ожидали. В преамбуле документа говорилось о главном, о чем необходимо

⁵² Чуйков В.И. Сражение века. М., 1975, с. 39.

было помнить постоянно: потере громадной территории, миллионов людей, важнейших ресурсов, хлеба, т.е. жизненных сил страны, без которых невозможно ее существование. Отступить дальше означало либо погибнуть, либо сдаться на милость победителя. Для защитников Сталинграда ответ на приказ был однозначный: “За Волгой земли нет!”

В то время свой выбор должен был сделать каждый человек, будь то командир или рядовой боец. Но нам важно знать не только о том, какое моральное воздействие оказал приказ № 227 на бойцов Красной Армии. Вокруг заградотрядов и штрафных подразделений имеет место немало спекуляций, прямо или косвенно многие авторы проводят мысль о том, что вся война шла из-за страха, а героями были лишь те, кто боролся против бесчеловечного режима.

Разные события войны нельзя вписать в лубочный рассказ о победе, ради которой отдали жизни миллионы людей. На фронте было все – включая самое мерзкое и отвратительное. Но непреложным фактом является то, что низкое не затмило высокое, а предательство не вытравило героизм. Следует сразу отметить, что заградительные отряды начали у нас создаваться еще с лета 1941 г., в частности на фронте А.И. Ерёменко. Тогда они выполняли в основном функции сбора оставших военнослужащих и перенаправления их на фронт или в спецорганы. В заградотряды направлялись рядовые, младшие командиры и политработники не раз побывавшие в боях, имевшие ранения, прошедшие боевую школу. И, напротив, исключались те, кто был ранее судим, попадал в окружение, имел родственников на оккупированной территории, или просто солдаты старших возрастов. Формированием отрядов и тщательным отбором личного состава занимался отдел укомплектования армии на базе запасного полка с участием командира, комиссара и начальника особого отдела. Например, на Западном фронте из примерно 2 тыс. человек в каждый заградотряд отбиралось не более 600 солдат. Другими словами, заградительные подразделения создавались из обычных фронтовиков – строевых красноармейцев и командиров, а отнюдь не из военнослужащих НКВД, как нередко показывается в современных фильмах о войне. Однако заградотряды входили в подчинение особых отделов НКВД армий. Их вооружение, хотя почти и исключительно стрелковое, было, тем не менее, весьма внушительным: винтовки, автоматы ППШ, ручные пулеметы, 50-мм минометы и пулеметы “максим” (по два на отряд). Первое время заградотряды стояли не в тылу “малоустойчивых” дивизий, а на отдельных участках, в которые входило по 2–3 соединения. Занимая в основном перекрестки дорог, они “выполняли функции, по существу, заградотрядов дивизий, существовавших до приказа № 227”. “Это в лучшем случае, – отмечали военкомы соединений, – а в худшем превращались в контрольно-пропускные пункты НКВД”⁵³. Что касается советского Западного фронта, то пока не найдено сведений о точном количестве случаев, когда заградотряды открывали немедленный огонь на поражение по солдатам, покинувшим поле боя без приказа и бегущим в тыл⁵⁴. Но известно, что практика действий заградительных подразделений включала в себя самые жесткие меры по отношению к паникерам, трусам и дезертирам. Всего по состоянию на 15 октября 1942 г. в Красной Армии было сформировано 193 заградительных отряда. Детали, отражающие их работу, весьма показательны. Так, в справке, направленной в Управление особыми отделами НКВД СССР (не ранее 15 октября 1942 г.), говорится, что всего заградотрядами с начала их формирования (с 1 августа по 1 октября 1942 г.) было задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой. Из числа задержанных: арестовано 3980 человек; расстреляно 1189 человек; направлено в штрафные роты 2776 человек; направлено в штрафные батальоны 185 человек; возвращено в свои части и на пересылочные пункты – 131 094.

Пристального внимания требуют документы фронтов, оборонявших летом – осенью сталинградское и кавказское направления – находившихся на самых сложных участках и не раз попадавших в критическое положение. Из всех советских заградотрядов особым отделам Сталинградского фронта подчинялось 16, а Донского фронта – 25.

⁵³ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1080, л. 104–110.

⁵⁴ Там же, л. 109–110.

На этих фронтах за период с 1 августа по 1 октября 1942 г. было произведено наибольшее число задержаний, арестов и расстрелов во всей Действующей армии. Так, по Донскому фронту задержано 36 109 человек, арестовано 736 человек, расстреляно 433 человека, направлено в штрафные роты 1056 человек, направлено в штрафные батальоны 33 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты – 32 933. По Сталинградскому фронту задержано 15 649 человек, арестовано 244 человека, расстреляно 278 человек, направлено в штрафные роты 218 человек, направлено в штрафные батальоны 42 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты – 14 833⁵⁵.

Эти цифры отражают ситуацию в самые трагические месяцы советского отступления к Волге и предгорьям Кавказа. В целом работа заградотрядов высшим командованием была признана необходимой и оценена положительно. В документах особых отделов не говорится о расстреле бегущих солдат, хотя отмечаются случаи “решительных мер” для приостановки отходящих в беспорядке военнослужащих, открытия огня “над головами отступающих”, как это было на участке 396-го и 472-го стрелковых полков 399-й стрелковой дивизии 62-й армии 14 сентября 1942 г. Тогда в результате действий заградотряда бегство личного состава было остановлено, и “через 2 часа полки заняли прежние рубежи своей обороны”. Но в боевых сводках не раз упоминается и о том, что отряды, призванные не допустить паники, нередко сами вступали в бой с врагом, занимали передовые позиции и несли существенные потери⁵⁶.

Заградотряды находились, как правило, в удалении от передовой. По мере продолжения войны и роста боевой устойчивости частей, командование ставило перед ними задачи охраны тыла от диверсантов, уничтожения вражеских десантов, задержания дезертиров. Уже в ходе наступательных операций 1943–1944 гг. они следили за порядком на переправах и направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты. Осенью 1944 г. заградительные отряды как подразделения, в которых была утрачена непосредственная необходимость и использовавшиеся, главным образом, не по назначению, были упразднены. Но летом 1942 г. никакие меры, которые могли бы предотвратить дальнейшее отступление Красной Армии, ликвидировать смертельную опасность стране не могли считаться советским верховным командованием излишне суровыми. Любой либерализм в этом деле, по мнению Сталина и лиц, отвечавших за проведение в жизнь приказа № 227, необходимо было искоренить в зародыше.

В начале августа 1942 г. противник продолжал наращивать усилия на сталинградском направлении и продвигаться к предгорьям Кавказского хребта. Новые советские контрудары не увенчались успехом. Более того, в начале августа немецким войскам удалось отрезать от своих тыловых коммуникаций на восточном берегу Дона ряд крупных советских соединений. Им пришлось с боем переправляться на левый берег реки, теряя людей и технику. Большинство советских частей сражались в большой излучине Дона героически. Они заставили врага снизить темпы наступления. Однако инициатива по-прежнему оставалась у германского командования.

Паулюс требовал подкреплений для своих войск, в которых появились признаки усталости. Необходимо было позаботиться и о флангах ударной группировки. Гитлер откликнулся на его просьбу. В полосу 6-й армии были направлена 8-я итальянская армия, а позже и румынские соединения. Дополнительно Паулюсу передавались, и чисто германские соединения – один армейский корпус и танковая дивизия. 6-й армии предстояло завершить разгром советской 62-й армии и захватить Сталинград.

После подхода резервов Паулюс принял решение окружить 62-ю советскую армию, нанеся удар по сходящимся направлениям танковыми и армейскими корпусами. Начавшееся 7 августа наступление, казалось, полностью достигло цели. Соединившись в районе Калача, немцы смогли отрезать на западном берегу Дона до 30 тыс. советских военнослужащих. После этого часть сил 6-й армии нанесла удар на север – против

⁵⁵ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000, с. 230.

⁵⁶ Там же, с. 231–232.

плацдарма советских войск на ее левом фланге. Передав этот участок 8-й итальянской армии, Паулюс устремился к переправам через Дон. Ставке ВГК пришлось спешно бросать в бой в малой излучине Дона прибывшую из резерва 1-ю гвардейскую армию. Ее отчаянные атаки и мужественное сопротивление окруженных советских частей, прорывавшихся на восток, задержало дальнейшее продвижение неприятеля⁵⁷.

Гитлер видел, что бои в районе излучины Дона приобретают все более напряженный характер. Ему необходим был быстрый и решительный успех, который пока не удавался. В это время фюрер принял решение повернуть часть сил 4-й танковой армии генерала Гота с кавказского направления на Сталинград – армия передавалась из группы “А” в группу “Б”. Ей предстояло теперь сокрушить советскую оборону на южных подступах к городу. Поистине Сталинград как магнит притягивал к себе немецкие войска. Начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник А. Йодль заявил: “Судьба Кавказа будет решена под Сталинградом”. 4-я танковая армия действовала на стыке советских фронтов (Сталинградского и Северо-Кавказского) отступавших по расходящимся направлениям. Это предопределило быстрый успех объединения Гота, продвинувшегося по степи за несколько дней около 150 км и преодолевшего Сталинградский обвод. Выход немецких войск к станции Абганерово (30 км к югу от Сталинграда) чрезвычайно обеспокоил Ставку ВГК. Сюда перебрасывались новые резервы, которые, однако, вступали в бой разрозненно и несли большие потери. Тем не менее германскому командованию пришлось на несколько недель задержаться у Абганерово, отбивая отчаянные советские атаки.

Советское командование продолжало наращивать оборонительные силы. Под Сталинград прибывали дивизии с Дальнего Востока и Забайкалья. 7 августа из состава Сталинградского фронта был выделен новый фронт – Юго-Восточный под командованием генерала А.И. Ерёмченко (64-я, 57-я и 51-я армии). Отметим, что его действия были довольно успешными. Немцам так и не удалось сокрушить оборонительный участок этого фронта южнее Сталинграда, хотя именно здесь наступали танки Гота, переброшенные с кавказского направления. Начальник генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер отмечал, что войска 4-й танковой армии натолкнулись тогда на мощную оборонительную позицию противника⁵⁸.

Фронтовые документы показывают, в каком тяжелом положении находились тогда войска, оборонявшие сталинградское направление, насколько напряженной была обстановка с управлением объединений, подвергавшихся беспрестанным ударам врага. В ночь на 7 августа Ерёмченко был вызван по прямому проводу Ставкой ВГК. Накануне он сообщил в Москву, что из-за отсутствия средств связи и офицеров управления, он не в состоянии немедленно взять под свое начало вновь образуемый Юго-Восточный фронт (находящийся в полосе прямого продвижения немцев к Сталинграду). Генерал просил дать ему хотя бы один-два дня для устройства всего дела. Находившийся на другом конце провода начальник Генштаба Красной Армии генерал А.М. Василевский был сух и категоричен. За его словами стояло жесткое требование Верховного: “Товарищ Сталин приказал Вам вступить в командование Юго-Восточного фронта не позднее вечера 7 августа. Директива на этот счет сейчас передается. Вот все, что приказано передать Вам”. Ерёмченко пытался возражать, просил еще раз доложить Сталину о ситуации, говоря, что и “сам рад скорее это сделать... Прошу, чтобы мне дали вступить с 8 августа днем или вечером”. Василевский остался неумолим: “Я передал Вам категорические указания тов. Сталина, которые вызваны исключительно тяжелой обстановкой, которая сложилась под Сталинградом. В качестве управления надо использовать управление 1-й танковой армии, ее средства связи, прибывший и прибывающий к Вам комсостав... Необходимо принять от Сталинградского фронта полностью развернутую сеть связи по всем принимаемым от них войскам. Приказ Ставки, как Вам известно, я отменить не могу, передоказывать бесполезно, так как обстановка требует, чтобы Вы немедленно

⁵⁷ Великая Отечественная война 1941–1945, т. 1, с. 247.

⁵⁸ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 2. М., 1971, с. 623.

вступили в командование своими войсками”. Ерёмченко согласился с тем, что надо скорее брать в свои руки войска и пояснял, что он уже включился в работу и в целом активно помогает генералу Гордову и члену Военного совета фронта Хрущёву в том, “чтобы не допустить противника к Сталинграду и разбить его на линии укрепления”⁵⁹.

Ставка вынуждена была на ходу импровизировать, принимать решения, которые вносили элементы дополнительного напряжения и нервозности в действия генералов на поле боя. Чехарда в названиях фронтов, изменения в их командовании, задачах и ответственности, конечно, представлялись обузой для управления войсками и при иной ситуации были бы справедливо осуждаемы. Но тогда, в августе 1942 г., все было подчинено суровой необходимости предотвратить падение Сталинграда. Любые доступные силы перебрасывались, перенацеливались и переподчинялись, исходя из этой главной задачи. Удары по развернутым порядкам врага наносились по мере подхода сколько-нибудь значительных сил из тыла. 9 августа Василевский вновь вызвал к прямому проводу Ерёменко и сообщил ему следующую новость: “Тов. Сталин считает целесообразным и своевременным объединить вопросы обороны Сталинграда в одних руках, а для этой цели подчинить Вам Сталинградский фронт, оставив Вас по совместительству в то же время и командующим Юго-Восточным фронтом”. Далее следовал вопрос “каковы будут Ваши соображения?” Ответ Ерёменко был более чем положительным: “Мудрее товарища Сталина не скажешь. И, считаю, совершенно правильно и своевременно”. Он также согласился на назначение к нему заместителем генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, вместо которого командование 1-й гвардейской армией принял генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко – все “достойные командиры”⁶⁰.

Ближайшей задачей Юго-Восточного фронта Ерёменко посчитал остановить продвижение противника к южным подступам Сталинграда. Он докладывал также о том, что его войска весь день 9-го августа сдерживали атаки врага и наносили контрудары. Несмотря на то, что линии связи постоянно нарушались из-за бомбежки люфтваффе, он получил известия о неплохих результатах боев к юго-западу от города, об отличных действиях дивизионов “катюш”, “наделавших делов” в районе Абганерово, где вся “прилегающая местность горит”. Хотя противник, по его словам, “получил хороший урок в трехдневных сражениях”, он продолжал подводить к этому участку свежие соединения. Разведка засекла колонны из 70 танков и 250 автомашин⁶¹.

На следующий день Ерёменко получил очередное указание Ставки, которое сдерживало его наступательный порыв. “Тов. Сталин приказал, – сообщалось из Москвы, – чтобы Вы особенно наступлением на юг не увлекались, а поставили бы перед собой задачу, во что бы то ни стало восстановить оборону по южному фасу Сталинградского обвода (тянувшимся от оз. Цаца, далее через Абганерово, р. Мышкова до Логовский. – М.М.) и отбросить противника километров на 10–20, создать предполье для усиления этой обороны. За счет отказа от наступления, выделить часть сил для усиления запада и северо-запада (район Калач-на-Дону, Песковатка, Вертячий. – М.М.) с тем, чтобы во что бы то ни стало удержать плацдарм на западном берегу Дона и не допустить противника с этих направлений к Сталинграду”⁶².

Однако Ерёменко не смог выполнить строжайшие распоряжения Москвы и удержаться на линии Дона. Западное и северо-западное направление к Сталинграду сделалось через несколько дней наиболее уязвимым. Советские войска в тот период сильно уступали в скорости маневра немецкому командованию, которое к тому же максимально использовало условия открытой местности. Новый немецкий бросок к Волге последовал 15–16 августа. 6-й армии Паулюса удалось значительно продвинуться вперед, расчленив советскую группировку на две части. Германские войска захватили важные плацдармы на восточном берегу Дона. Оборона 62-й армии была прорвана. 23 августа

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 451, д. 54, л. 1–4.

⁶⁰ Там же, л. 5–7.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, л. 8–9.

14-й танковый корпус вермахта неожиданно для советской стороны прорвался на стыке 4-й танковой и 62-й армии Сталинградского фронта. Пройдя по тылам советских войск около 60 км, он вышел к Волге на северной окраине Сталинграда в районе рынка. Под огнем немецких орудий оказались цеха Сталинградского тракторного завода. В тот же день германская авиация нанесла сильнейший бомбовый удар по жилым кварталам Сталинграда. Город был практически полностью разрушен. Тысячи военных и мирных жителей погибли в огне гигантских пожаров возникших после налета. А.И. Ерёмченко впоследствии вспоминал, что происходившее в Сталинграде напоминало кошмар, разрывы бомб следовали один за другим. “Из района нефтехранилищ огромные султаны пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма”⁶³. Отметим, что громадных жертв среди мирного населения можно было избежать, если бы была своевременно проведена эвакуация города. Но этого не случилось. Долгое время переправы через Волгу были заняты угоняемым от врага сельхозтехникой и крупным рогатым скотом. Спешное спасение оставшихся людей началось лишь после немецкого прорыва к Волге. Последствия оказались трагическими. Хотя за несколько дней удалось переправить на левый берег реки 300 тыс. чел., многие транспортные суда и катера Волжской флотилии попали под жесточайший вражеский огонь и были потоплены. Из 490 тыс. довоенного населения Сталинграда, к которым нужно добавить несколько десятков тысяч эвакуированных людей с Украины и даже из блокадного Ленинграда, к концу Сталинградской битвы в городе осталось лишь 32 тыс. чел. Покинуть Сталинград до августа 1942 г. смогли около 100 тыс.

С 15 августа начались бои за Сталинградский тракторный завод, практически находящийся уже в черте города. Особенностью Сталинграда было то, что по своей ширине он занимал довольно узкую полосу в 2–3 км, но по длине – вдоль берега Волги – вытянулся более чем на 15 км. Городской оборонительный район к моменту немецкого прорыва обороняли лишь отдельные запасные части, дивизия НКВД, курсанты, сводный отряд морской пехоты. Советское командование пыталось в срочном порядке восстановить положение и закрыть образовавшуюся брешь. В бой бросались вновь прибывающие резервы, в том числе те, которые ранее намечалось использовать против танковой армии Гота. Отчаянные советские атаки предотвратили быстрое занятие Сталинграда и не позволили немцам отрезать силы 64-й и 62-й армий от города. Они отходили на восток. Для лучшей управляемости войск дивизии 62-й армии, отрезанные от главных сил Сталинградского фронта, были переданы в состав Юго-Восточного фронта. 64-я армия после упорных боев на подступах к городу отошла на средний оборонительный обвод и заняла там жесткую оборону. Контрудар советского 2-го танкового корпуса не позволили 6-й армии быстро продвинуться в городские кварталы с севера. Немцы также закрепились и постепенно стали продвигаться к югу, в глубь района заводских цехов. В середине сентября врагу удалось ворваться в городские кварталы (вернее, в их развалины) с запада и юго-запада. Начались кровопролитные сражения в самом городе. Его обороной в это критическое время руководил находившийся вместе с войсками начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский.

В конце августа 1942 г. Ставка ВГК решила нанести контрудар в южном направлении со стороны Сталинградского фронта – первоначально силами 1-й гвардейской армии – с целью ликвидации вражеского прорыва к Волге и восстановления связи с 62-й армией Юго-Восточного фронта, оборонявшейся в городе. Тем временем к городу перебрасывались резервные армии: 24-я армия Д.Т. Козлова и 66-я Р.Я. Малиновского. Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было возможно. Только вновь формируемые стратегические резервы, предназначенные для ведения дальнейшей борьбы, пока не вводились в действие. Тогда же в Сталинград с Западного фронта был направлен Г.К. Жуков. В наступление, таким образом, должны были перейти сразу три советские армии. Но основная проблема состояла в том, что им приходилось вступать в бой сходу, тогда как в потрепанных в предыдущих боях тан-

⁶³ Ерёмченко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961, с. 148.

ковых корпусах оставалось не так много боевых машин. Лишь в недавно прибывшем 7-м танковом корпусе П.А. Ротмистрова положение было более благополучным, в нем насчитывалось 169 танков⁶⁴.

Сталин требовал от Жукова немедленного удара “северной группы войск”. Маршал вспоминал разговор с Верховным: “Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии, – сказал он, обращаясь ко мне. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград”. Прилетев 29 августа в штаб Сталинградского фронта и узнав о положении дел от его командующего В.Н. Гордова и начальника Генштаба А. М. Василевского, находившегося там в это время, Жуков начал готовить контрудар на 6 сентября. Необходимо было дожидаться подхода и сосредоточения резервов. Но по требованию Верховного, считавшего после доклада Ерёменко, что город может пасть в ближайшие часы, сроки были перенесены на более раннюю дату.

Уже утром 3 сентября войска 1-й гвардейской армии перешли в наступление, но смогли продвинуться в направлении Сталинграда всего лишь на несколько километров. Дальнейшее продвижение было остановлено ударами вражеской авиации и танков. 5 сентября советский натиск возобновился – теперь в бой вводились 24-я и 66-я армии. Г.К. Жуков вспоминал: “После залпов “катюш” началась атака. Я следил за ней с наблюдательного пункта командующего 1-й гвардейской армией. По мощности огня, которым встретил противник наши атакующие войска, было видно, что артиллерийская подготовка не дала нужных результатов и что глубокого продвижения наших наступающих частей ожидать не следует... Продолжавшийся весь день напряженный огневой бой к вечеру почти затих. Мы подвели итоги. За день сражения наши части продвинулись всего лишь на 2–4 километра, 24-я армия осталась почти на исходных позициях... Третий и четвертый день сражений прошли главным образом в состязании огневых средств и боях в воздухе. 10 сентября, еще раз объехав части и соединения армии, я окончательно укрепился во мнении, что прорвать боевые порядки противника и ликвидировать его коридор наличными силами и в той же группировке невозможно. В таком же духе высказались и генералы В.Н. Гордов, К.С. Москаленко, Р.Я. Малиновский, Д.Т. Козлов и другие. В тот же день я передал Верховному по ВЧ:

«Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесполезны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника.

Верховный ответил, что было бы неплохо, если бы я прилетел в Москву и доложил лично эти вопросы»⁶⁵.

Неудачный советский контрудар привел к большим потерям, однако он сковал значительные вражеские силы, нацеленные непосредственно на Сталинград, прежде всего 8-й армейский и 14-й танковый корпуса. Жертвы не были напрасными, они не позволили немецкой группировке воспользоваться слабостью 62-й армии и быстро овладеть городом. Ожесточенность боев не позволяла Паулюсу рассчитывать на скорый успех, о чем он и докладывал фюреру. В итоге 6-я армия получала в свое распоряжение 4-ю танковую армию, а ее командующему было обещано, что на фланги объединения будут переброшены подкрепления из армий союзников рейха.

Ожесточенность боев нарастала с каждым днем. В 62-й армии Чуйкова к 11 сентября насчитывалось всего около 50 тыс. человек⁶⁶. Тем временем противник, значительно

⁶⁴ Великая Отечественная война 1941–1945, т. 1, с. 252.

⁶⁵ Жуков Г.К. Указ. соч., т. 2, с. 73–77.

⁶⁶ Великая Отечественная война 1941–1945, т. 1, с. 252.

превосходя в силах, ускоренно готовился к решающему штурму Сталинграда, который начался 14 сентября.

Особенно тяжелыми для сталинградцев были первые три дня штурма. Немецкие танки при поддержке мотопехоты неудержимо продвигались к берегу Волги. Они провалились к центру города и захватили Мамаев курган. В южную часть Сталинграда ворвались моторизованные части Гота. Казалось, что силы советских войск на исходе, и они неизбежно будут сброшены в реку. Паулюс уже готов был праздновать победу, считая, что у русских не осталось никаких шансов. Но положение спасла 13-я гвардейская дивизия генерал-майора А.И. Родимцева, численностью около 9,5 тыс. чел. Всего за две ночи, понеся тяжелые потери в личном составе и технике от бомбовых ударов и ураганного обстрела артиллерии противника, она сумела переправиться на западный берег Волги и с ходу вступить в бой. В реке горела разлившаяся нефть, но бронекатера Волжской флотилии, баркасы, простые лодки неудержимо плыли на западный берег к гранитным террасам набережной, спускающейся к Волге. При переправе дивизия понесла значительные потери, но сразу повела атаку на вокзал и другие важные объекты города.

Дивизия вступила в бой неожиданно, в том месте, где гитлеровцы рассчитывали в считанные часы дойти до Волги. В районе центральной пристани уже находились немцы, но они были выбиты неожиданным ударом и откатились назад. Гвардейцы продолжили наступление. Более того, два советских полка продвинулись вперед и захватили Мамаев курган, господствующий над большей частью Сталинграда. Бои за эту высоту продолжались вплоть до января 1943 г. В боях за городской вокзал погибли фактически все, кто здесь сражался, но пока были живы, вокзал не сдали. Сам генерал Родимцев находился на передовой, обходил командные пункты соединения, ежесекундно подвергая себя смертельной опасности.

Хотя в отдельных районах города противник находился всего в 150–200 м от берега Волги, дальше он продвигаться уже не мог. Борьба шла за каждую улицу, за каждый дом. Легендой стала оборона всего одного дома бойцами под командованием сержанта Я.Ф. Павлова. В течение 58 дней и ночей советские солдаты не сдавали свои позиции. В ночь с 26 на 27 сентября 1942 г. разведгруппа из трех бойцов во главе со старшим сержантом Я.Ф. Павловым захватила четырехэтажное здание в центре Сталинграда и удерживала его в течение почти трех суток. В подкрепление разведгруппе подоспел взвод лейтенанта И.Ф. Афанасьева. Здание, которое вошло в историю войны как “дом Павлова”, стало важным опорным пунктом обороны в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы яростно атаковали здание, обстреливали и бомбили его, но взять так и не смогли. 24 бойца 6 национальностей отстаивали свой дом – частицу своей Родины – до победного завершения Сталинградской битвы. Павлов затем прошел дорогами войны от Сталинграда до Эльбы, был ранен. Будучи уже лейтенантом узнал о том, что он Герой Советского Союза, только перед демобилизацией в 1945 г. в Германии⁶⁷.

Особенное значение в условиях ближнего боя с противником, когда до его передовой было всего несколько десятков метров, приобретала выучка и мужество каждого отдельного красноармейца. Наиболее сильные и смелые бойцы объединялись в штурмовые группы, которые скрытно приближались к позициям врага, забрасывали его гранатами, а затем решительно атаковали. Именно в таких боях подразделения Красной Армии приобретали бесценный опыт сражений в городских кварталах, который затем был использован в боях за Киев, Будапешт, Варшаву и, наконец, Берлин.

Ставка ВГК старалась по мере сил облегчить положение защитников города на Волге. Новый удар Сталинградского фронта в северном направлении был произведен в середине сентября. 1-я гвардейская армия, усиленная 340 танками, 24-я армия, ряд других соединений попытались пробить брешь в обороне противника, но наткнулись на плотный огонь противника. Значительную роль в срыве наступления сыграла вражеская

⁶⁷ Павлов Я.Ф. В Сталинграде (фронтовые записки). Сталинград, 1951; Савельев Л.И. Дом сержанта Павлова (сталинградская хроника). М., 1960.

авиация, совершившая только за 18 сентября 2 тыс. самолетовылетов. Советские бойцы залегали перед окопами немцев и несли большие потери. Общие же потери 1-й, 24-й и 66-й армий Сталинградского фронта с 1 по 26 сентября составили 107 тыс. чел.⁶⁸

В конце сентября (директива от 28 сентября 1942 г.) Ставка разделила силы, действовавшие в Сталинграде и к северу от него на Сталинградский (бывший Юго-Восточный) и Донской (бывший Сталинградский) фронты. Советские соединения, сражавшиеся в развалинах волжской твердыни, теперь входили в объединение, название которого соответствовало обороняемому городу. Донской фронт возглавил генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский.

Второй штурм Сталинграда враг предпринял 27 сентября – 7 октября 1942 г. Немцам удалось несколько потеснить армию Чуйкова. Ожесточенные бои, нередко переходящие в рукопашные схватки, шли в развалинах заводов. Советские подразделения были отброшены с Мамаева кургана, но сумели закрепиться на его северо-восточных склонах. Сильному обстрелу подвергался штаб 62-й армии. Линия фронта, шириной до 25 км, сжималась как струна. Глубина оборонительных порядков советских войск не превышала 2 км, а в некоторых местах составляла всего 200 м. Но немцам не удалось преодолеть их. Удачным оборонительным действиям 62-й армии, получавшей подкрепления, способствовал все усилившийся огонь советской артиллерии с левого берега Волги. Те небольшие клочки территории, остававшиеся за Красной Армией в Сталинграде, вряд ли бы удержались, если бы не поддержка с другого берега. Свой смертоносный груз обрушивали на противника гвардейские минометы – “катюши”. Несколько реактивных установок действовали непосредственно на правом берегу Волги под прикрытием склона у реки. Чтобы открыть огонь они отъезжали к самой кромке воды, а сделав залп, вновь возвращались в защищенное место. Одним удачным залпом “катюши” в октябре почти целиком уничтожили начавший атаку немецкий батальон. В то же время германская авиация не могла теперь эффективно поддерживать ударные подразделения 6-й армии, та как была лишена возможности производить прицельное бомбометание. Противоборствующие стороны находились постоянно в плотном огневом соприкосновении. От своего окопа до вражеского расстояние часто не превышало дальности броска гранаты. В то время в Сталинграде советские дивизии в среднем насчитывали не более 1–2 тыс. активных бойцов, сказывались огромные потери. С другой стороны, та небольшая площадь, остававшаяся за 62-й армией, просто не могла бы вместить большое количество войск. И против этих малочисленных подразделений враг бросал все новые и новые силы. Паулюсу казалось, что стоит бросить в бой еще один “последний” батальон, и русские дрогнут. Но проходили дни, недели, а русские стояли. Поражение Красной Армии грозило самыми трагическими последствиями не только СССР, но и всей антигитлеровской коалиции. Известный западный историк А. Кларк замечал, что “германское наступление, начавшееся столь превосходно, всего в течение нескольких недель расширило границы рейха до наибольших пределов. Весь мир пришел от этого в трепет. Но вскоре стало очевидно, что германское наступление забуксовало. В течение последующих двух месяцев линия фронта на картах оставалась неизменной”⁶⁹.

Потеря защитниками Сталинграда Центральной пристани потребовало перестройки системы снабжения советских сил в городе. Волжская флотилия продолжала поддерживать линии коммуникаций севернее и южнее пристани. Далее на север был проложен пешеходный мост на железных бочках. Попытка врага выйти в тыл советским соединениям, наступая вдоль реки, провалилась.

Немцы стали называть продолжающиеся бои “крепостной” войной. Пройденное расстояние в прибрежных оврагах, балках, в развалинах заводов они высчитывали метрами. За каждый дом, подвал, цех, разрушенную будку велась борьба не на жизнь, а на смерть. Немецкий генерал Г. Дёрр впоследствии в мрачных тонах описывал то, что происходило в Сталинграде: “Несмотря на массированные действия авиации и артил-

⁶⁸ Великая Отечественная война 1941–1945, т. 1, с. 254.

⁶⁹ Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. London, 1985, p. 231.

лерии, выйти из рамок ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома»⁷⁰.

Бои в городе не утихали, и каждый день мог стать критическим для обороняющихся. Констатируя в приказе 14 октября 1942 г. факт завершения в целом летней кампании, Гитлер тем не менее не имел в виду прекращения операций в Сталинграде. Город необходимо было взять во что бы то ни стало. В этот же день начался очередной штурм. В.И. Чуйков так описывает, происходившие тогда незабываемые события:

«В тот день мы не видели солнца. Оно поднялось в зенит бурым пятном и изредка выглядывало в просветы дымовых туч. Под прикрытием ураганного огня три пехотные и две танковые дивизии на фронте около шести километров штурмовали наши боевые порядки. Главный удар наносился по 112, 95, 308-й стрелковым и 37-й гвардейской дивизиям. Все наши соединения сильно ослаблены от понесенных потерь в предыдущих боях, особенно 112-я и 95-я дивизии... [Противник] буквально душил нас массой огня, не давая никому поднять голову на наших позициях. В 10 часов 109-й полк 37-й гвардейской дивизии был смят танками и пехотой противника. Бойцы этого полка, засевшие в подвалах и в комнатах зданий, дрались в окружении... В 15 часов волна немецких танков прорвалась к парку Скульптурный, и тут они напоролась на засаду. Наши танкисты били немецкие танки без промаха. Этот опорный пункт немцы пытались взять, но не взяли ни 14, ни 15 и ни 16 октября. И только 17-го он был разбит авиацией противника. Бой шел непрерывно, день и ночь. Окруженные и отрезанные гарнизоны продолжали драться, извещая о своем существовании по радио: “За Родину умрем, но не сдадимся!” С утра 15 октября противник ввел в бой свежие силы (305-ю пехотную дивизию) и продолжал развивать наступление на юг и на север вдоль Волги. Его артиллерия простреливала наши боевые порядки насквозь, авиация по-прежнему обрушивала на город тысячи бомб. Однако разрубленная пополам армия продолжала сражаться. Северная группа (124, 415 и 149-я стрелковые бригады и части дивизии Ермолкина) вела бой в окружении с превосходящими силами противника, наступавшими с севера от Латашанки, с запада — по долине Мокрая Мечетка и от Тракторного завода. Связь с войсками этой группы непрерывно рвалась. В ночь на 16 октября на правый берег Волги был переброшен полк дивизии Ивана Ильича Людникова, который мы сразу ввели в бой севернее завода “Баррикады”, где у нас был наиболее слабый фронт обороны»⁷¹.

Ожесточенные бои шли за заводы “Красный октябрь” и “Баррикады”. В некоторых местах противник прорывался к Волге и стремился развить успех к северу и югу вдоль Волги. От вражеского огня блиндажи рушились как карточные домики. Чуйкову пришлось перенести свой командный пункт на несколько сот метров и развернуть его у самой воды. В бой бросалось все, что имелось в наличии, в том числе солдаты из тыловых служб (включая сапожников, портных, конюхов и др.). Немцы также изымали тыловики со спокойных участков фронта, желая ликвидировать последние очаги сопротивления и совершить последний рывок в несколько десятков метров. Но к 23–24 октября стало очевидно, что противник начинает выдыхаться. Он не выдерживал отчаянных контратак советских бойцов и откатывался назад. Тем не менее бои продолжались до самого конца октября. 25 октября Паулюс возобновил атаки крупными силами на всем фронте Чуйкова и вскоре занял пос. Спартановка. Но в тот же день в наступление перешли войска правого фланга 64-й армии в районе Купоросное, а 62-я армия получила подкрепление — 45-ю стрелковую дивизию. Советское командование ради удержания плацдармов в Сталинграде пошло на этот шаг, даже несмотря на то, что вело в то время активную подготовку к контрнаступлению. Повторные атаки врага 26 и 27 октября ему успеха не принесли. К вечеру 29 октября бои стали постепенно затихать⁷².

⁷⁰ Дёрр Г. Поход на Сталинград. М., 1957, с. 56.

⁷¹ Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М., 1985, с. 245–249.

⁷² Там же, с. 260–261.

Последний штурм советских плацдармов в Сталинграде Паулюс предпринял 11 ноября 1942 г. Дополнительно к ударным отрядам в бой были введены саперные батальоны, изъятые из пехотных дивизий. Но уже на следующий день, не добившись сколько-нибудь значительного успеха, немецкие подразделения были вынуждены прекратить атаки. Полностью овладеть городом на Волге гитлеровцам так и не удалось.

К концу октября 6-я немецкая армия во многом утратила свои наступательные возможности. Однако приказа о переходе к обороне для немецких соединений, действующих в районе Сталинграда, не поступало. Тем временем приближалась зима. Фюреру требовалось решиться на кардинальные шаги. Остаться в Сталинграде означало подвергать войска опасности поражения в период холодов. Еще свежи в его памяти были воспоминания о катастрофе под Москвой зимой 1941/42 г. Но оставлять город он не собирался. Та территория, куда ступила нога германского солдата, должна была в любом случае оставаться за арийской нацией. Тем более это касалось города, который носил имя вождя вражеской стороны – Сталина. Оставляя 6-ю армию в Сталинграде, чьи растянутые фланги были прикрыты войсками союзников – итальянскими и румынскими соединениями, Гитлер руководствовался не здравым смыслом, а идеей безусловного превосходства рейха над советской стороной. Однако тем самым он обрекал обессиленных солдат Паулюса на гибель.

Не просто обстояли дела и у частей Красной Армии. Похолодание уже вызвало появление на Волге тонкого льда. Снабжение защитников города значительно ухудшилось. Для переброски в Сталинград вооружения и боеприпасов приходилось использовать самолеты У-2. Как и немецкое командование, Ставка ВГК должна была принять радикальное решение относительно будущей борьбы.

Советское командование все чаще задумывалось над тем, как переломить ход сражения в свою пользу. Находившийся некоторое время в Сталинграде в качестве представителя Ставки генерал армии Жуков убедился, что советским войскам нужно время и дополнительные силы, чтобы организовать удар такой мощи, от которого враг не смог бы оправиться. И Жуков, и Василевский уже в сентябре 1942 г. поняли, что введение в сражение неподготовленных подразделений, использование резервов по частям ни к чему хорошему привести не может; необходимо подготовить детальный план совершенно новой операции. Судя по отрывочным данным, Василевский поручил офицерам Генштаба проработать вариант охвата с севера и юга группировки противника под Сталинградом, и уже 13 сентября Жуков и Василевский доложили Верховному замысел будущей операции на окружение. Сталин в принципе одобрил его, но сказал, что план наступления необходимо хорошенько обдумать, а главное – не допустить взятия противником Сталинграда. Теперь все зависело от быстроты, слаженности и скрытности перегруппировки советских войск. Резервные соединения под Сталинградом необходимо было сосредоточить таким образом, чтобы обеспечить внезапность контрнаступления. Новый план получил кодовое название “Уран”. Основной его замысел – окружение 6-й немецкой армии. Места первоначального прорыва вражеской обороны определялись особенно скрупулезно. Приоритетными считались участки, занятые войсками союзников германского вермахта – румынскими и итальянскими дивизиями, более уязвимыми, чем германские соединения⁷³.

Окончание следует

⁷³ Статья подготовлена в рамках проекта ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России”. Соглашение № 14.В37.21.0491.